

A close-up portrait of a young woman with long, wavy, dark brown hair. She has light brown eyes and is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a black lace top and a thin necklace. The background is a soft, out-of-focus brown.

Анна АХМА

КРЫЛЬЯ
СВОБОДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Ахма

Крылья свободы

<https://litres.ru/73743236>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна-Стейси Дженнер, пережившая немало страданий к своим 23 годам, пытается собрать жизнь по кусочкам.

В глубине души она мечтает о стабильности, но каждый раз выбирает путь, ведущий в тупик. Поворотный момент наступает, когда в её судьбе появляется Зейд. Сначала его необъяснимая одержимость пугает Анну — она не понимает, что он в ней нашёл. Но его терпение, искренность и готовность быть рядом, несмотря на её сопротивление, постепенно меняют её. Через испытания, откровенные разговоры и неожиданные открытия Анна начнёт осознавать свою ценность. Она научится отстаивать границы, принимать поддержку и, главное, верить в себя. Путь к обретению внутренней опоры будет непростым: ей придётся столкнуться с последствиями прошлых решений, противостоять давлению извне и сделать выбор между привычной зоной комфорта и новой жизнью. Сможет ли она пройти этот путь до конца и стать той женщиной, которой всегда могла быть?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	80
Глава 6	117

Анна Ахма

Крылья свободы

Глава 1

Лето...Сезон, когда душа словно расправляет крылья и ощущает подлинную свободу. Краски, веселье, счастье — всё это обычно наполняет сердце радостью. Но в этот раз я словно оказалась вне этого праздника жизни.

Почему? Ведь мы — молодая семья, только начали строить совместную жизнь: строить планы, воспитывать детей, мечтать о светлом будущем. Однако оказалось, что у моего супруга несколько иное видение происходящего. Несмотря на все разногласия, когда стремишься к успеху, учишься проявлять терпение, прощаешь обиды и боль — ради того, чтобы вместе встретить далёкое счастливое будущее.

Но, как и у многих, мои силы однажды иссякли. После стольких попыток, стольких шансов, стольких отсрочек я сдалась. Да, я сдалась — но лишь на мгновение.

Последней каплей стало то утро, когда я лежала в постели, изнемогая от боли в почках, а рядом не оказалось никого, кто мог бы подать чашку воды.

Наркотики Вот что разрушало нашу жизнь. Мы жили лишь на детские пособия, ни я, ни муж не работали. Еда по-

являлась в доме нерегулярно, а он ещё и требовал денег с пособий, открыто говоря, что они нужны ему на запрещённые вещества. Он не скрывал этого — напротив, капсулы и таблетки красовались на его прикроватной тумбе. Со временем он начал принуждать меня употреблять их вместе с ним.

Отчасти я сама виновата в том, что оказалась втянута в это. У меня пропало желание близости, и я отказывала ему. Жизнь покатила под откос ещё быстрее: я начала принимать наркотики вместе с ним, теряя себя, ловя мимолётный кайф и наваждение страсти, которым он удовлетворял свои потребности.

Я приняла эту отраву четыре раза — и поняла, что во мне зарождается зависимость. Я жаждала забыться, снять стресс любой ценой. И вот однажды утром я осознала: наркотики лишают меня остатков настоящей жизни.

За месяц до этого я сказала мужу, что даю ему ровно месяц, чтобы остановиться и взяться за ум. Но этот месяц пролетел — а стало только хуже.

Пролежав в муках до одиннадцати часов дня, я написала мужу, что собираю вещи, беру ребёнка и ухожу к родителям. Он ответил на сообщение лишь через час, потом позвонил по видеосвязи со слезами на глазах: сначала умолял, потом проклинал. Так продолжалось до вечера, и лишь когда стемнело, мне удалось уехать.

Неделю я провела у родителей — всё шло по привычному сценарию: прощения, скандалы, слёзы. И вот я снова дома,

рядом с мужем. Но я уже не та, что прежде. Я решила выучиться, найти работу, привести свою жизнь в порядок — и ни на кого не надеяться.

Начало положено. Учёба идёт успешно, всё получается, я ни в чём себе не отказываю. Бросила блогинг, устроилась на работу — пусть не престижную, но для первых шагов самое то. Зарплата средняя, но меня устраивает. Завела новых друзей, расширила круг знакомств, появились возможности. В голове — планы, мечты, цели. И, как ни странно, поддержку я нашла среди новых знакомых. Рада ли я этому? Безусловно! Я и не подозревала, как ценно иметь друзей, готовых помочь и поддержать.

Ссоры дома продолжаются, я пытаюсь выкарабкаться, но получается не всегда. Сдерживать себя становится всё труднее. Но какая семья без проблем? Идеальных не бывает — именно с этими мыслями я когда-то и вернулась к нему. Теперь у меня есть работа, свои планы, свои мечты и цели.

Вечером, вернувшись домой уставшей, я захожу в нашу комнату. Брэк, мой муж, дома. Ещё пару месяцев назад я бросилась бы к нему в объятия, но теперь — нет.

— Привет, — говорю, раздеваясь.

— Ну, привет, — отвечает он с явным безразличием.

Как обидно Я его простила, а он держится так высокомерно.

— В смысле «ну»? Я поздоровалась, разве трудно улыбнуться хотя бы?

— Вряд ли моя улыбка скрасит твой и без того тяжёлый день, — с ледяным спокойствием отвечает он.

Сердце сжимается. Что за человек?

— Если ты так думаешь, продолжай в том же духе. Не собираюсь с тобой спорить, — пытаюсь закрыть разговор.

— Ты уже надоела со своими переживаниями! — вспышивает он.

А кто, в конце концов, будет думать о семье, о ребёнке? Мои требования для него — всего лишь капризы. Печально — Хорошо, молчу, не трогаю тебя.

Переодевшись, хватаю телефон с наушниками, включаю музыку и иду на кухню. Музыка — моё спасение, но и она не всегда помогает прогнать непрошенные мысли и сдержать слёзы.

Я никогда не перечила ему, не позволяла себе косо на него смотреть, сколько бы боли он ни причинял. Не позволяла обижаться дольше пяти минут. Я была для него опорой — всегда и везде. Сердце разрывается от боли, но я терплю, несмотря ни на что, даже не задумываясь о том, что ждёт меня дальше.

От тяжёлых мыслей меня отвлекает дочурка: она вбегает и бросается в мои объятия.

— Мамочка, мамуля, ты пришла! Я соскучилась! — кричит она, целуя меня в обе щеки.

— Моя прелесть, я тоже очень скучала, — отвечаю ей.

— А я больше скучала!

— Тогда я сейчас откушу твой вкусный носик — и узнаешь, кто скучал больше!

— Мама, нет, не трогай носик! — пытается она вырваться.

Боже, какая же она невероятная! Пару минут назад я была на грани слёз, а она вмиг озарила мой мир своим светом. Это маленькое создание, сама того не понимая, спасает меня каждый день.

— Мам, дай мне тоже музыку!

— Значит, будем танцевать?

— Да! — кричит эта непоседа.

— Какую будем слушать?

— Включи «Непохожие»!

— Лови!

И мы начинаем двигаться под ритм.

Остаток вечера мы проводим в веселье: вместе заканчиваем мои дела, принимаем душ и отправляемся спать.

Зайдя в комнату, я обнаруживаю, что мужа нет дома. Я радуюсь этому, беру книгу и устраиваюсь поудобнее. «Четвёртое крыло» Ребекки Яррос Боже, как я обожаю эту книгу, перечитываю снова и снова. После возвращения к мужу меня мучает бессонница, а если и удаётся уснуть, ночные кошмары не дают покоя. Поэтому я взяла за привычку читать не только днём, но и по ночам. Чтение всегда успокаивало меня, и в эти непростые дни книга стала моим спасательным кругом.

Забавно, но мужу не нравилось, что я трачу заработанные

мной деньги на книги. Пока я читала, не заметила, как пролетело время. На часах уже половина второго, а спать совсем не хочется. Недолго думая, беру продолжение книги и укладываюсь. Потом не помню, как и когда уснула.

Утром я проснулась от неудобного положения — я не могла пошевелиться, словно зажатая в тисках. Обернувшись, понимаю: я лежу в объятиях мужа. Он порой, если повезёт, проявляет теплоту — но только во сне, а днём словно царь Ада.

После того как я объявила ему о разводе, он плакал, умолял вернуться, просил прощения, обещал измениться. Но я знала: станет только хуже. И всё равно вернулась — ради ребёнка. Как и ожидалось, стало хуже: обвинения в измене, истерики, скандалы, требования денег и многое другое. О близости с ним я и думать не могла. Этот мужчина разрушил мою любовь к нему — о каком сближении могла идти речь?

Освободившись из его рук, я иду в ванную. После разрыва я начала относиться к себе с большим вниманием — даже к выбору белья и пижам. Встав перед зеркалом, разглядываю себя: бордовая шёлковая сорочка с разрезом у бёдер, с изящной выемкой у груди и открытой спиной — выглядит прекрасно, понастоящему женственно.

Ткань мягко облегает тело, подчёркивая изгибы, будто шепчет: «Ты прекрасна. Ты жива. Ты больше не тень». Я провожу рукой по шёлку — он скользит под пальцами, как обещание новой жизни. В отражении вижу не ту сломленную

женщину, что когда-то терпела унижения, а кого-то нового: уверенного, дерзкого, готового взять своё.

Волосы Они всегда были длинными, но этим летом я решила на перемены: сделала стрижку — теперь локоны игриво обрамляют лицо, придавая облику лёгкую дерзость. Подкорректировала брови (хотя редко это делаю) — небольшие изменения, но я выгляжу так свежо! В глазах появился блеск, которого не было раньше: не покорность, а вызов. Слово сама природа шепчет: «Хватит прятаться. Покажи им, кто ты на самом деле».

Беру телефон, включаю любимый трек Jonу — «Воздушный сарафан». Летом такие песни добавляют красок. Пританцовываю и скидываю сорочку, запрыгиваю под душ, включаю прохладную воду. Струи воды омывают тело и прогоняют остатки сна. Шум воды и слова песни — настоящее наслаждение. Подпеваю:

- > ТАНЦУЙ СО МНОЙ, ЛЕТАЙ,
- > АЙайайай,
- > Возьмём с собой лето,
- > Порхайайайайай.

Приняв душ, укутываюсь в большое полотенце и бегу в гардеробную. Решаю, что пора убрать брюки и надеть платье. Подпрыгивая, подхожу к ящику с бельём. Медленно открываю его — ряды кружев, шёлка, тонкого хлопка манят, словно сокровища. Выбираю ажурные трусики — они невесомо ложатся в ладонь, узор напоминает морозные завитки

на зимнем окне. Затем беру нежный белый лиф, покрытый тонким растительным орнаментом. Надев их, снова люблю себя в зеркале.

О, боже, как это прекрасно — никогда раньше не уделяла себе столько внимания, не чувствовала этой внутренней силы, этого огня, что теперь горит во мне. Раньше я пряталась за мешковатой одеждой, за покорным взглядом, за тихим «да». Теперь же каждое движение — вызов, каждый взгляд — утверждение: я есть. Я существую. И я больше не позволю никому гасить этот свет.

Достаю белое платье с узорами — приталенное, с небольшим разрезом у бедра. Дополняю образ белой сумочкой от Prada. Повертелась перед зеркалом, расчесала волосы и неожиданно для себя захотела сделать небрежные волны, а потом собрать их в лёгкий пучок. Это же лето — яркие краски, хорошее настроение, красота, веселье. И я — его часть. Я больше не тень, я — вспышка.

Вернувшись в комнату, я вижу проснувшегося мужа. Он сидит на кровати, хмуро смотрит в телефон. При моём появлении поднимает глаза — в них ни тени интереса, лишь скука и раздражение.

— Неплохо выглядишь. И для кого так вырядилась? — спрашивает Брэк, изогнув бровь.

Я выдерживаю паузу, люблю эффект: пусть видит, что передо ним уже не та покорная женщина, что была раньше.

— Для себя любимой, — отвечаю спокойно, с лёгкой

улыбкой. — Завтрак на плите, обед в холодильнике. Дочка ещё не проснулась, но когда встанет, оденется и уберётся в комнате сама — она уже большая. Проследи, чтобы она поела.

Произношу это ровным тоном, без прежней тревоги и заискивания. Автоматически хватаю наушники, надеваю солнечные очки и направляюсь к двери.

— Ты куда? — в его голосе проскальзывает нотка беспокойства.

— На работу. Всего доброго.

Солнце встречает меня ослепительным сиянием. Воздух напоён ароматами канадского лета: терпким запахом хвои от растущих вдоль улицы елей и сосен, сладковатым шлейфом цветущих клёнов и дикой малины, что буйно разрастается у заборов. Лёгкий ветерок доносит свежесть от недалёкого озера — кажется, до него всего пара кварталов, и там, за кромкой деревьев, блестит водная гладь, отражающая небо.

Я иду, слегка пританцовывая, и что с того, что прохожие оглядываются? Раньше я бы смутилась, съежилась, постаралась стать незаметнее. Но теперь мне всё равно. Пусть смотрят. Я больше не прячусь.

Замедляю шаг и вдруг замечаю, как на моё предплечье присела бабочка. Она такая красивая: узоры на крыльях напоминают искры, переливающиеся на солнце. Не шевелюсь, боясь спугнуть это хрупкое чудо. И вдруг чётко осознаю: это знак. Сегодня будет прекрасный день — и ничто, абсолютно

ничто его не испортит.

По пути к офису я прохожу мимо небольшого парка. На его лужайках, изумрудно-ярких после утренней росы, играют дети. Вдалеке виднеются могучие стволы старых дубов и клёнов — их ветви раскинулись широко, создавая пятнистую тень на траве. Гдето в кронах щебечут птицы: то ли воробьи, то ли дрозды — их звонкие голоса сливаются с шумом листвы и далёким плеском воды.

Вдалеке, за домами, проглядывают очертания невысоких холмов, поросших смешанным лесом — там, наверное, начинается один из городских заповедников или просто лесная зона, столь типичная для пригородов Канады. Воздух здесь чище, чем в мегаполисах, и даже в черте города чувствуется дыхание дикой природы.

Дойдя до офиса, я останавливаюсь, глубоко вдыхаю свежий воздух и начинаю подниматься по ступенькам. Меня нагоняют парни из моего отдела — Уилл и Лим. Мы здороваемся, обмениваемся улыбками.

— Анна, ничего себе, ты сегодня решила всех нас сразить наповал? — говорит Уилл, высокий парень с широкими плечами. У него удивительные глаза: один зелёный, другой карий. Его стрижка напоминает мне Рендалла из «Принца Ардена» — книги, которая когда-то помогла мне отвлечься от проблем. Уилл стал одним из моих близких друзей и в своё время помог освоиться на новом месте.

— У тебя точно какой-то праздник, раз оделась так сног-

сшибательно! — подхватывает Лим и подмигивает мне. Он не такой высокий, как Уилл, со светлыми кудрявыми волосами и глазами цвета морской волны. Но главное в нём — невероятная доброта. За месяцы работы я ни разу не видела его раздражённым или злым.

— Ой, парни, не льстите мне, — улыбаюсь я. — Просто сегодня у меня отличное настроение.

Уилл достаёт шоколадку и протягивает мне:

— Значит, это настроение нужно подкрепить сладостями, — улыбается он.

И тут я вспоминаю, что забыла нанести любимые духи. Нотки ванили и белого шоколада — они раскрываются ярче с каждым шагом, наполняя воздух едва уловимым ароматом. Говорят, их можно уловить даже в коридоре, когда я нахожусь в кабинете. Но никто не догадывается, что это именно мой запах.

— Спасибо, Уилл, ты как всегда вовремя, — благодарю я, достаю из сумки флакон и наношу духи за уши, растираю каплю на запястьях и слегка касаюсь кончиков волос.

— Так вот какой аромат меня завораживал всё это время в кабинете! А я думал, кто-то тайком грызёт шоколад на рабочем месте, — замечает Лим.

— Облегчу твои страдания и поиски, Лим: это я и мои духи, — отвечаю ему с милой улыбкой.

Мы подходим к проходной. Охранник Стэн смотрит на меня с явным восхищением — в его глазах искрится непод-

дельное восхищение. Заметив это, я озорно подмигиваю:

— Спасибо, Стэн, буду считать это комплиментом!

— Извини, Анна, ты обворожительна, — смущённо отвечает он. Стэн — мужчина лет тридцати пяти, неженатый, добрейшей души человек. Он всегда угощает меня чемнибудь вкусеньким. И за эти месяцы все уже поняли, что я та ещё сладкоежка.

Поднимаясь в общий кабинет, Лим дёргает меня за локоть и тихо говорит:

— Да уж, сегодня никто не может оторвать от тебя взгляд.

— Да ладно тебе, Лим, я же просто девушка — можно иногда и платье надеть, — смущаюсь я.

— Я только за, Кнопка, — тихо отвечает он. — Ты прекрасна в любом виде.

«Кнопка» — так он меня зовёт изза того, что я ниже его ростом. Как мило.

— Ладно, Лим, вдруг сглазишь? Я хочу, чтобы этот день стал лучшим в моей жизни, — шутливо толкаю его в бок. Он в ответ потрясывает меня за плечи и поддерживает:

— Будет лучшим, обещаю!

Не успели Лим с Уиллом открыть мне дверь кабинета, как оттуда вылетает Зейд Колден — мой наставник. Я отпрядываю и роняю телефон. Зейд тут же возвращается, поднимает его и извиняется. Выглядит он крайне напряжённо.

Для меня он — загадка. Тихий мужчина лет тридцати пяти-тридцати шести. Я редко слышала, чтобы он говорил со

мною напрямую, и не могу сказать, что знаю его понастоящему. Но сегодня в его взгляде что-то меняется — будто он впервые видит меня не как подчинённую, а как женщину.

Уилл с Лимом отпускают пару шуток в его сторону, и мы заходим в кабинет. Рабочий день начинается — и я твёрдо убеждена: он будет прекрасным.

Глава 2

Как и ожидалось, день складывался превосходно. Мы с ребятами оперативно решили все важные задачи и договорились пообедать в лофткафе неподалёку. Хитрецы поручили именно мне пригласить Зейда.

Не то чтобы мы совсем не общались с остальными коллегами — просто среди них были те, кто относился ко мне не слишком дружелюбно. Особенно бывшая девушка Уилла. Поэтому мы с ребятами держались довольно узким кругом.

Что касается Зейда Он както незаметно присоединился к нам, и мы были искренне рады проводить с ним время. Мы нечасто обменивались длинными разговорами, но он оказался душой компании. Меня не смущала наша некоторая отстранённость — всё же он мой наставник.

Тем временем в других отделах уже поползли слухи, будто мы с Зейдом любовники. Причина проста: он стал часто бывать в нашей компании, хотя раньше почти ни с кем не общался. А с тех пор, как я влилась в круг Уилла и Лима, он, можно сказать, стал проводить время с нами.

Смешно, право слово. Боже упаси! «Смешно» — слишком слабое слово. Зейд годится мне в отцы: ему сорок три года. Каково же было моё удивление, когда я это узнала: он выглядит максимум на тридцать шесть.

Позже выяснилось, что у него есть дочь и сын — они учи-

лись в той же школе, что и я. Причём дочь — моя ровесница. Я долго ломала голову: почему я с ней не знакома? Может, просто не запомнила? Поиски в памяти оказались тщетны, но, заглянув в социальные сети, я нашла её. Девушка поразительной красоты — и очень похожа на отца. В общем, это был уже не просто Зейд, а, можно сказать, «дядя Зейд».

— Вы хотите сказать, что после утреннего инцидента Зейд не захочет с нами обедать? Или полагаете, будто я имею на него какое-то влияние? — не успела я договорить, как Зейд вошёл к нам.

— Анна, нам нужно поговорить. Желательно поскорее. Жду тебя в своём кабинете, — произнёс Зейд холодным тоном, отчего у меня внутри всё сжалось. Он развернулся и вышел.

Я последовала за Зейдом, не проронив ни слова. В голову лезли тревожные мысли о работе: что могло произойти? Может, я допустила какую-то ошибку?

Замедлив шаг, я внимательно присмотрелась к наставнику. Он выглядел взъерошенным, будто не выспался. «Ничего непоправимого, вероятно, нет, — подумала я. — Постараюсь взглянуть на предстоящий разговор с оптимизмом». К любой ситуации я стараюсь подходить именно так, за что меня нередко хвалят на работе.

Войдя в кабинет, я решила сразу прояснить ситуацию: — Слушаю, Зейд. Что случилось?

Он посмотрел на меня серьёзно и произнёс:

— Анна, не стану тянуть. Похоже, ты больше не будешь с нами работать.

У меня всё внутри оборвалось. «В каком смысле — не буду?» — пронеслось в голове. Колден поднял на меня озадаченный взгляд, но я твёрдо решила не поддаваться панике и держать себя в руках.

— Можно узнать причину? — спросила я ровным голосом.

— Присаживайся, Анна, — он указал на стул напротив. Я села, стараясь не выдавать волнения. Зейд посмотрел на меня серьёзно, но без осуждения. — Мне стало известно, что руководство настоятельно рекомендует Свонну Рейлону оформить твой перевод в другой филиал, — негромко произнёс он. — С повышением, разумеется. Это серьёзное предложение. Внутри всё похолодело. Я сжала пальцы под столом, чтобы они не дрожали. — Я не могу на это согласиться, — ответила я почти сразу. Зейд удивлённо приподнял брови: — Почему? Это же отличный шанс. Новый город, новая должность, больше ответственности Ты ведь всегда стремилась расти в профессии. Я опустила взгляд, подбирая слова. — Да, конечно. И я очень благодарна за такую возможность. Но я не могу уехать. У меня есть причины — очень личные. Я не готова сейчас о них говорить, прости. Он помолчал, внимательно глядя на меня. В его взгляде не было осуждения, только искреннее недоумение. — Ты уверена? — мягко уточнил он. — Это серьёзное решение. Предложе-

ние не каждый день делают. — Уверена, — твёрдо сказала я. — Мне жаль, если это создаёт какие-то сложности для тебя или для отдела. Но я хочу остаться здесь. Зейд откинулся на спинку кресла, задумчиво постучал пальцами по столу. — Хорошо, — наконец произнёс он. — Я тебя услышал. Но тогда нам нужно обсудить это со Свонном. Он должен знать о твоём решении напрямую. Пойдём через 15 минут? Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Да, давай пойдём. Лучше сразу всё прояснить. Я вышла из кабинета Зейда. Я старалась выровнять дыхание и собраться с мыслями. Впереди ждал непростой разговор с директором. Тут же ко мне подскочил Тейлор, но я не слышала его, в голове гудело. Вскоре мы вошли в кабинет Свонна Рейлонда. Я невольно задержала дыхание, оглядываясь по сторонам. Помещение выглядело внушительно, но не давило: большой стол из тёмного дерева в центре, вокруг — строгие стулья. Тёмно-синие стены создавали спокойную атмосферу, а картина с пейзажем над столом добавляла нотку уюта. Рядом на стене висел телевизор, чуть поодаль стоял компьютер с большим монитором. На подоконнике красовались цветы в горшках — яркие, ухоженные, с крупными бутонами. В углу примостился мягкий диван, накрытый клетчатым пледом. Казалось, он манил присесть и забыть обо всех проблемах хотя бы на пару минут. Свонн Рейлонд поднялся изза стола и приветливо кивнул нам. Я собрала силы и заговорила первой: — Господин Рейлонд, я очень благодарна за предложение.

Правда, это огромная честь для меня. Но я приняла решение отказаться от перевода. Понимаю, что это может показаться странным, но у меня есть серьёзные причины — личные, и я не могу о них рассказать сейчас. Зато я готова приложить все силы к работе здесь, в нашей команде. Уверена, смогу быть полезной и без смены места. Я замолчала, чувствуя, как бешено колотится сердце. Зейд стоял рядом, молча наблюдая за разговором. Прежде чем я успела добавить что-то ещё, Свонн оживлённо перебил меня: — Анна, Зейд, как удачно, что вы пришли! Я как раз думал о вашем будущем в компании. Перевод — это, конечно, хороший вариант, но есть и другой: вы могли бы курировать ключевые проекты прямо здесь. Рост, стабильность, никаких переездов — разве не идеально? Я покосилась на Зейда, чувствуя, что сейчас лучше передать инициативу ему. — Это очень серьёзное решение, — осторожно сказала я. — Мне важно услышать мнение моего наставника. Зейд, что ты думаешь? Зейд выпрямился и уверенно ответил: — Я поддерживаю этот вариант. Анна — талантливый специалист, и работа над новыми проектами раскроет её потенциал без необходимости куда-то переезжать. Свонн расплылся в широкой улыбкой. — Отлично, решено! — бодро произнёс он. — Благодарю за здравый подход. Можете быть свободны. Мы вышли из кабинета. Зейд явно был в приподнятом настроении, а я испытывала странное облегчение. Пока что-то оставалось на своих местах, пока не нужно было принимать роковое решение —

и это уже было хорошо. Возвращаясь по коридору, я вдруг почувствовала, как мир вокруг слегка покачнулся. Воздух будто сгустился — грудь сдавило, дышать стало невыносимо трудно, словно кто-то накинул на плечи невидимый тяжёлый плащ. Рядом шёл Зейд — высокий, под два метра ростом, с широкими плечами, которые будто несли на себе груз всех забот мира. Его чёрные, как уголь, волосы были аккуратно зачёсаны назад, чёткие линии скул и подбородка подчёркивали волевое выражение лица. Карие глаза, обычно излучающие спокойствие, сейчас наполнились тревогой. На левой брови виднелся тонкий шрам — след давней истории, о которой он никогда не рассказывал. Его походка, благородная и мягкая, вдруг стала осторожной: он мгновенно уловил моё состояние. — Анна? Что с тобой? — он тут же оказался рядом, подхватив меня под локоть. — Держись за меня. Давай вернёмся в кабинет, там будет легче. Я кивнула, едва дыша. — Просто немного закружилась голова, — выдавила я, стараясь не выдать всей тяжести состояния. — Может, воды? Или вызвать врача? — не унимался Зейд. — Не держи всё в себе, скажи, чем я могу помочь. В конце концов, друг познаётся в беде, верно? — Нет, спасибо, уже лучше, — я попыталась улыбнуться. — Просто надо посидеть минутку. Он помог мне дойти до кабинета, усадил в кресло, открыл окно, впуская свежий воздух. Постоял ещё немного, убеждаясь, что мне действительно становится легче, и, получив мой утвердительный кивок, тихо вышел. Оставшись одна, я от-

кинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Мысли, как назойливые мухи, вернулись к прошлому вечеру. Последний раз муж заставил меня принять очередную дозу наркотиков — и вот опять это знакомое ощущение: тяжесть в груди, слабость, будто тело не принадлежит мне. Раньше я списывала всё на действие веществ, но теперь не могла отделаться от мысли: а вдруг дело не только в них? В кабинет тем временем вошли Лим и Уилл. Их голоса доносились будто издали, смешиваясь с гулом моих тревожных размышлений. — Анна, ты как? Вид у тебя неважный, — окликнул Лим, присаживаясь рядом. Я вздрогнула, возвращаясь в реальность. — Уже лучше, спасибо, — я постаралась придать голосу бодрости. — Раз так, может, пойдём в кафе неподалёку? Обед как раз впору, — предложил Уилл. — Солнце светит, день выдался на славу — грех не воспользоваться! — Да, давайте, — согласилась я. — Только — я замаялась, — пожалуйста, не зовите Зейда. Мне сейчас както неловко перед ним — он столько сделал, чтобы помочь. Не хочу, чтобы он волновался из-за пустяков. Лим понимающе кивнул: — Как скажешь. Мы тебя не бросим, всё будет хорошо. В конце концов, друзья для того и нужны — чтобы подставить плечо, когда земля уходит из-под ног. Я слабо улыбнулась. В тот момент мне действительно нужна была их поддержка — и простое человеческое тепло, которого так не хватало в жизни. Как только я встала, сразу почувствовала, как пол будто качнулся под ногами — мир на мгновение потерял устойчивость,

и я едва не покачнулась. Уилл тут же подхватил меня под локоть, а Лим поддержал с другой стороны. — Нуну, красавица, держись! — бодро подмигнул Уилл. — Мы тебя не уроним, даже если земля решит пуститься в пляс. — Спасибо, — я слабо улыбнулась, стараясь не показывать, насколько мне не по себе. — Кажется, я сегодня не в лучшей форме. — Да ладно, с кем не бывает! — махнул рукой Уилл. — Главное, что мы рядом. В конце концов, друзья — это те, кто не даст упасть ну или хотя бы поймает, если всётаки полетишь вниз головой! Я невольно улыбнулась его шутке. Парни осторожно помогли мне спуститься к выходу, усадили в машину Лима — и мы отправились в путь. Мысленно я отметила, что до кафе можно было дойти пешком: оно находилось всего в нескольких кварталах. Но ребята, видя моё состояние, решили не рисковать — и за это я была им безмерно благодарна. За окном машины раскинулся летний Альберт — солнечный, оживлённый, полный жизни. Лёгкий ветерок играл листьями деревьев вдоль тротуаров, создавая причудливую игру света и тени. По обочинам росли высокие клёны и каштаны, отбрасывая пятнистую тень на асфальт. Вдалеке виднелись старинные кирпичные здания центра — с их фасадами, помнившими не одно поколение горожан, — а ближе к окраине сверкали на солнце современные стеклянные фасады офисов. Яркие цветочные клумбы украшали пешеходные зоны, а на перекрёстках мелькали велосипедисты и бегуны, явно наслаждавшиеся приятной погодой. — Смот-

ри, Анна, — отвлѣк меня от созерцания Лим, указывая на витрину книжного магазина. Там красовалась большая вывеска с анонсом летнего чтения. — Может, после обеда зайдѣм? Говорят, у них новая подборка детективов. — Позже, — я улыбнулась, чувствуя, как внутри чуть теплеет от их заботы. — Сейчас я готова только на кофе и кусочек чизкейка. — О, тогда мы едем куда надо! — подмигнул Уилл. — «Кофейная гавань» — лучшее место в округе. Там и чизкейки божественные, и кофе варят так, что сразу чувствуешь, будто весь мир у твоих ног ну или хотя бы этот квартал точно! Я невольно рассмеялась: — Ты всегда знаешь, как поднять настроение. — Это мой супернавык, — важно кивнул Уилл. — Поднимать настроение, спасти принцесс и выбирать самое вкусное в меню. Кстати, предлагаю заказать тебе тот самый чизкейк с малиной — он творит чудеса даже с теми, кто утром встал не с той ноги. Я снова улыбнулась, и вдруг осознала, что тревога понемногу отступает. Вокруг сияло летнее солнце, лёгкий ветерок доносил ароматы цветов и свежей выпечки, а рядом были люди, готовые поддержать в любую минуту. На мгновение мне стало почти спокойно — будто весь мир на пару минут замедлил свой бег, чтобы дать мне пепедышку. Благодаря порыву ветра, ворвавшегося в открытое окно машины, мне действительно стало легче. Я глубоко вдохнула — в грудь хлынула свежесть, а с ней и лёгкость, будто невидимая тяжесть немного отпустила. Аромат цветущих лип вдоль улицы словно напомнил: жизнь всѣтаки

умеет быть доброй. Доехав до кафе, я посмотрела на него — и замерла на мгновение. Раньше я бывала здесь мельком, на бегу, но сейчас увидела заведение словно впервые: оно выглядело непривычно эстетичным, будто сошло со страницы глянцевого журнала о путешествиях. Фасад «Кофейной гавани» был выкрашен в мягкий пастельноголубой цвет, напоминающий морскую гладь в ясный день. Белые деревянные ставни на окнах, кованые фонари по бокам от входа и большие круглые кашпо с пышными петуниями создавали ощущение уютного приморского городка. Над дверью висела деревянная вывеска с изящной каллиграфической надписью, а рядом — небольшая доска с мелом, где от руки было выведено сегодняшнее специальное предложение: «Латте с лавандой и миндальный круассан — дуэт для идеального дня». Уилл, заметив мой задумчивый взгляд, весело подмигнул: — Что, впечатлена? Я же говорил — это не просто кафе, а портал в мир прекрасного. Если закроешь глаза, почти услышишь шум волн! — И чайки кричат, — подхватил Лим с улыбкой. — По крайней мере, так утверждает Уилл, когда ему хочется оправдать цену на их фирменный капучино. Я рассмеялась — искренне, почти беззаботно: — Теперь я понимаю, почему вы так его хвалите. Выглядит волшебно. Парни провели меня внутрь и помогли усесться за столик у окна, укрытый лёгкой льняной скатертью в полоску. Уилл театрально отодвинул стул: — Ваше королевское высочество, трон подан! Никаких неудобств, только комфорт и

эстетическое наслаждение. — Ты неисправим, — покачала я головой, но улыбка сама собой задержалась на губах. — Это моя суперсила, — подмигнул Уилл. — А теперь к делу: что будем заказывать? Я голосую за чизкейк с малиной — он здесь легендарный. Говорят, один кусочек способен воскресить даже после самой тяжёлой недели. — Или после внезапного головокружения, — добавил Лим. — Но я тоже за чизкейк. И, пожалуй, ещё карамельный раф. Я посмотрела на меню, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает: — Тогда мне то же самое. И ещё латте с лавандой — раз уж оно сегодня в спецпредложении. Вдруг и правда поможет почувствовать себя на курорте? Внутри кафе оказалось таким же продуманным, как и фасад. Стены отделаны светлым деревом, на них висели большие чёрнобелые фото — виды старинных гаваней и парусников. Между фотографиями разместились полки с книгами о путешествиях и винтажными кофейными мельницами. Возле дальней стены стоял массивный деревянный буфет с коллекцией фарфоровых чашек разных эпох, а над ним — гирлянда из маленьких бумажных флажков. Мягкий свет от подвесных ламп в форме стеклянных шаров создавал уютную атмосферу, а из колонок тихо лилась лёгкая джазовая мелодия. Воздух наполнял аромат свежемолотого кофе, корицы и выпечки. У окна стояли большие горшки с миртовыми кустами, а на каждом столике — небольшие вазочки с живыми цветами: сегодня это были нежные белые гипсофилы. Я глубоко вдохнула и невольно

улыбнулась. Впервые за день я почувствовала, что могу просто быть здесь и сейчас — без тревоги, без груза прошлого, без страха перед будущим. Просто пить кофе, есть чизкейк и слушать, как друзья шуточно спорят, кто расскажет самый нелепый анекдот за обедом.

Глава 3

Первое, что я почувствовала, — резкий запах антисептика. Он бил в нос, мешая сосредоточиться. Я приоткрыла глаза и увидела белый потолок с яркой лампой дневного света. Вокруг всё было стерильнобелым, холодным, чужим.

Где я?

Я попыталась приподняться, но тело будто налилось свинцом. В висках стучало, а в горле пересохло так, будто я не пила несколько дней. Рядом раздавалось мерное пиканье какого-то прибора.

— Она приходит в себя, — донёсся откудато сбоку женский голос.

Ко мне подошла медсестра в светлоголубой форме. Её лицо расплывалось перед глазами, черты никак не хотели фокусироваться.

— Анна, вы меня слышите? — мягко спросила она.

— Можете сжать мою руку?

Я с трудом подняла руку и слабо пожала её ладонь.

— Что... что случилось? — мой голос звучал хрипло, будто чужой.

— Вы потеряли сознание в кафе. Вас привезли сюда на скорой. Сейчас ваше состояние стабилизировалось, но нужно провести обследования.

В голове замелькали обрывки воспоминаний: солнечный

Альберт, машина Лима, «Кофейная гавань», шутки Уилла
Мы сидели за столиком, я сделала глоток латте с лавандой а
потом — пустота.

— Как... как это произошло? — я с трудом подбирала сло-
ва.

— Ваши друзья рассказали, что вы вдруг побледнели,
схватились за грудь, а через мгновение уже лежали на полу.
Уилл вызвал скорую, Лим пытался привести вас в чувство.
Всё произошло очень быстро.

Я закрыла глаза, пытаюсь собрать разрозненные фрагмен-
ты. Помню, как стало жарко, хотя в кафе работал конди-
ционер. Помню, что руки вдруг сделались ледяными, а пе-
ред глазами поплыли тёмные пятна. Потом — резкий звон в
ушах и ощущение, будто меня уносит кудато вниз, в тёмную
бездну...

Через минуту дверь приоткрылась, и в палату вошли Уилл
с Лимом. Уилл выглядел непривычно серьёзным, под глаза-
ми залегли тени, а обычно растрёпанные волосы были акку-
ратно зачёсаны назад. Лим нервно теребил край футболки
— признак того, что он сильно волнуется.

— Анна! — Уилл бросился к кровати, но остановился в
шаге, будто боясь навредить. — Господи, мы так перепуга-
лись... Ты вдруг побелела, как полотно, и просто... упала.

— Мы не знали, что и думать, — добавил Лим, подходя
ближе. — Ты не дышала несколько секунд, Анна. Мы дума-
ли... — он запнулся. — В общем, мы очень рады, что с тобой

всё в порядке.

Я смотрела на них и чувствовала, как к горлу подступает комок. Эти двое, которые ещё вчера шутили надо мной и подбадривали, сегодня, выходит, спасали мне жизнь.

— Спасибо, — прошептала я. — Спасибо вам. Я... я даже не помню, как всё случилось.

Уилл попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной:

— Ну, зато теперь у нас есть новая тема для шуток: «А помните, как Анна упала в обморок прямо над чизкейком?»

Лим ткнул его локтем в бок:

— Уилл, сейчас не время.

Но я всётаки рассмеялась — тихо, осторожно:

— Нет, пусть шутит. Так... легче.

Врач, до этого молча наблюдавший за нами, шагнул вперёд:

Я— Анна, нам нужно поговорить о дальнейших обследованиях. Судя по симптомам, это не просто переутомление. Предлагаю оставить вас в больнице на пару дней для полного обследования.

Я кивнула, чувствуя, как тревога снова начинает подступать. Чтото во всём этом было не так. Мысли невольно вернулись к недавним приступам слабости, к тому давнему эпизоду с наркотиками... Неужели всё связано? И если да, то насколько серьёзно? Я должна была выяснить, что именно со мной происходит — пока ситуация не стала ещё серьезнее.

Врач, до этого молча наблюдавший за нами, шагнул вперёд. Это был высокий, худощавый мужчина средних лет — Джон Темпелман. Его широкая, уверенная походка сразу внушала доверие, а благородный взгляд карих глаз будто говорил: «Всё будет под контролем». Каштановые волосы, чуть тронутые сединой на висках, были аккуратно зачёсаны назад, подчёркивая строгие черты лица.

Но при всей благородности облика его лицо выдавало годы напряжённой работы: глубокие морщины прорезали лоб и тянулись от крыльев носа к уголкам рта, вокруг глаз собрались лучики морщин — следы бессонных дежурств и сложных решений. В этом сочетании была какая-то особая сила: он выглядел одновременно и усталым, и непоколебимым, словно скала посреди бурного моря.

— Анна, — его голос оказался низким и спокойным, с едва заметной хрипотцой, — нам нужно провести полное обследование. Судя по симптомам, это не просто переутомление.

Я кивнула, чувствуя, как тревога снова начинает подступать.

— Что... что вы подозреваете? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Доктор Темпелман слегка наклонил голову, внимательно изучая моё лицо. На мгновение в его взгляде промелькнуло что-то знакомое — будто он уже видел нечто подобное.

— У нас был похожий случай пару месяцев назад, — про-

изнёс он осторожно, подбирая слова. — Та же картина: внезапная слабость, потеря сознания, нарушение дыхания. После обследования выяснилось, что причина — последствия токсического воздействия.

Моё сердце пропустило удар. Я невольно сжала край одежды, стараясь не выдать себя.

— Токсического воздействия? — переспросила я слишком поспешно.

Он мягко кивнул, не отрывая от меня взгляда:

— Да. Иногда организм даёт такие реакции спустя время — когда ресурсы исчерпаны. Ваша история болезни... — он сделал паузу, — коечто напоминает. Но это лишь предположение. Чтобы быть уверенным, нужно провести анализы и кардиограмму.

Уилл, до этого стоявший чуть в стороне, сделал шаг вперёд:

— Доктор, а это опасно? То есть... насколько серьёзно?

Темпелман перевёл взгляд на него и чуть смягчил выражение лица:

— Мы не будем загадывать вперёд. Сейчас главное — разобраться в причинах. Чем быстрее начнём обследования, тем быстрее получим ответы. И если причина действительно в накопленном стрессе или последствиях прошлых ошибок, мы подберём правильную поддержку. Организм умеет восстанавливаться, если ему помочь.

Лим, всё это время молча стоявший у двери, спросил:

— А можно нам навещать её? Хотя бы ненадолго?

Доктор улыбнулся — не формально, а понастоящему, и от этой улыбки его морщинистое лицо вдруг стало удивительно добрым:

— Конечно. Но только не толпой и не надолго. Анне нужен покой. По два человека за раз, не больше получаса. Договорились?

— Да, конечно, — хором ответили парни.

Темпелман снова повернулся ко мне:

— Анна, я зайду к вам через пару часов, когда придут первые результаты. А пока отдыхайте. Медсестра принесёт вам воду и лёгкое успокоительное — оно поможет расслабиться.

Он кивнул на прощание и направился к двери, его шаги звучали ровно и уверенно. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри всё сжимается. Он что-то знает. Или догадывается. И теперь вопрос был не в том, удастся ли скрыть правду, а в том, готова ли я сама с ней столкнуться.

— Ну что, — Уилл подмигнул мне, как только доктор вышел, — теперь ты официально под охраной лучшего диагноста города. Говорят, он однажды поставил редкий диагноз по одному только кашлю!

— Уилл, — вздохнул Лим, — может, не сейчас с легендами о докторе?

— Да ладно, — отмахнулся тот. — Надо же поднять боевой дух пациентки! Анна, ты как? Лучше?

Я улыбнулась — на этот раз искренне:

— Да. Кажется, да. Спасибо вам, ребята. Без вас я бы...

— Не надо, — перебил Лим мягко. — Мы же друзья.

Около получаса парни старались поднять мне настроение.

Уилл, как всегда, сыпал шутками — на этот раз про то, как в детстве пытался приготовить «волшебный эликсир» из маминых специй и чуть не отравил весь двор. Лим, хоть и пытался сохранять серьёзность, то и дело прыскал со смеху, а потом и сам начал вспоминать забавные случаи из школьных лет.

Я слушала их, улыбалась, и на какое-то время даже забыла, где нахожусь. Впервые за долгое время мне было почти легко — будто я снова обычный человек, а не клубок проблем и страхов.

Но вдруг дверь палаты приоткрылась, и в проёме появился отец.

— Папа? — я невольно выпрямилась на кровати, чувствуя, как внутри всё сжалось.

Саймон Кайдон — мужчина лет пятидесяти пяти, с проседью в тёмных волосах и усталыми, но добрыми глазами — шагнул внутрь. Его походка была чуть тяжелее, чем раньше, а морщины у рта глубже, чем мне запомнилось. Он всегда казался мне опорой, скалой — но сейчас я отчётливо увидела, как он сдал за последнее время.

— Доченька... — он подошёл к кровати и осторожно сжал мою руку. Его ладонь была тёплой, но я почувствовала, как слегка дрожат пальцы. — Мне позвонили из больницы. Я

примчался сразу, как узнал.

Моё сердце защемило. Я знала: ему нельзя волноваться. У отца большое сердце — любой стресс мог обернуться бедой. И вот он здесь, бледный, напряжённый, смотрит на меня так, будто я вотвот исчезну.

— Пап, ну что ты... — я попыталась улыбнуться как можно беззаботнее. — Всё в порядке, правда. Просто немного закружилась голова, вот и всё. Врачи просто перестраховались.

Он нахмурился, не сводя с меня взгляда:

— Анна, я не дурак. Ты бледная, под глазами тени... Сколько ты уже так ходишь? Почему не позвонила?

Я опустила глаза, не зная, что ответить. Как объяснить ему, что я не хотела его тревожить? Что боялась напугать?

Уилл и Лим переглянулись.

— Мистер Кайдон, — вежливо начал Лим, — с Анной всё будет хорошо. Врачи сказали, что нужно немного понаблюдать, но ничего критичного. Мы были рядом, когда это случилось, и сразу вызвали скорую.

— Да, сэр, — подхватил Уилл. — Она в надёжных руках. И мы тоже никуда не денемся.

Отец медленно кивнул, но взгляд его оставался тревожным.

В этот момент я вдруг поймала себя на странной мысли: я... рада, что мамы здесь нет.

Элизабет Кайдон — блестящий адвокат, женщина, при-

выкшая держать всё под контролем. Будь она здесь, уже подняла бы на ноги главврача, потребовала бы консилиум из пяти специалистов и устроила бы разнос всем, кто хоть на секунду замешкался. Неделя назад она улетела в Лондон — закрывать очередное громкое дело для какого-то богача, — и сейчас я впервые была благодарна её вечной занятости.

— Мама... она в Лондоне, да? — осторожно уточнила я.

— Да, — отец вздохнул, провёл рукой по волосам. — И, похоже, пробудет там ещё пару недель. Она просила передать, что свяжется, как только появится возможность.

Я кивнула. Так даже лучше.

— Пап, — я снова сжала его руку, — правда, не волнуйся так. Со мной всё будет хорошо. Вот увидишь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом — так, будто пытался прочесть все мои тайны, — а потом мягко улыбнулся:

— Ладно. Но я буду навещать тебя каждый день. И звонить каждые два часа. Это не обсуждается.

Я невольно рассмеялась:

— Договорились.

Уилл подмигнул:

— Мистер Кайдон, мы составим вам график дежурств. Я беру ночные смены — я всё равно не сплю, слишком много энергии.

Лим закатил глаза:

— А я возьму дневные. Чтобы хоть кто-то тут сохранял здравый смысл.

Отец впервые за время разговора улыбнулся по-настоящему:

— Спасибо вам, ребята. Я вижу, моя дочь в хороших руках.

— Пап, — я мягко коснулась его руки, — правда, иди отдохай. Доктор Темпелман скоро придёт с первыми результатами, и я сразу тебе позвоню. А ты выглядишь так, будто не спал нормально уже неделю.

Отец нахмурился, явно собираясь возразить, но я опередила его:

— И это не обсуждается, — улыбнулась я, стараясь, чтобы это прозвучало как в детстве, когда мы с ним подшучивали друг над другом. — Ты же сам всегда говорил: чтобы помочь комуто, сначала нужно позаботиться о себе.

Он вздохнул, провёл ладонью по волосам, и я увидела, как в его глазах борется тревога с усталостью.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Но я буду на связи. И завтра утром — первым делом сюда.

— Договорились, — кивнула я.

Уилл и Лим переглянулись.

— Мы тоже завтра заглянем, — сказал Лим. — Принесём чтонибудь вкусное. Но не из больницы, — поспешно добавил он, — а из «Кофейной гавани». Чизкейк с малиной, как лекарство от всех бед!

— И латте с лавандой, — подхватил Уилл. — Чтобы закрепить эффект!

Я рассмеялась:

— Только не слишком много — а то я тут совсем обле-
ниюсь.

Но тут у отца зазвонил телефон. Он достал аппарат, бро-
сил взгляд на экран и слегка поморщился.

— Это из офиса, — тихо пояснил он мне. — Похоже, ка-
който срочный вопрос.

— Отвечай, — я чуть подтолкнула его к двери. — Всё в
порядке, правда. Я позвоню, как только будет что рассказать.

Он заколебался на мгновение, потом кивнул:

— Хорошо. Держи меня в курсе.

— Обязательно, — я улыбнулась ему самой уверенной
улыбкой, на какую была способна.

Уилл и Лим уже двинулись к выходу.

— Мы проводим мистера Кайдона, — подмигнул мне
Уилл. — И заодно проверим, всё ли в порядке у парковки —
вдруг кто-то неправильно припарковался и мешает свободно-
му движению добрых самаритян!

Лим закатил глаза, но улыбнулся.

— Анна, выздоравливай, — сказал он серьёзно. — Отды-
хай и набирайся сил. Мы завтра заглянем — принесём что-
нибудь вкусное. Но не из больницы, а из «Кофейной гавани».
Чизкейк с малиной, как лекарство от всех бед!

— И латте с лавандой, — подхватил Уилл. — Чтобы за-
крепить эффект!

Я рассмеялась:

— Только не слишком много — а то я тут совсем обле-
ниюсь.

Когда дверь палаты закрылась за ними, я наконец смог-
ла выдохнуть. В комнате стало тихо — только мерно пика́л
монитор, отсчитывая удары моего сердца. Я откинулась на
подушку, закрыла глаза и прислушалась к себе. Тревога всё
ещё жила где-то внутри, но теперь, когда рядом никого не бы-
ло, она перестала казаться такой всепоглощающей.

Взгляд скользнул к окну: за стеклом медленно опускались
сумерки, окрашивая небо в мягкие сиреневые тона. Летний
вечер мягко окутывал город, и даже здесь, в больнице, чув-
ствовалось это умиротворение.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Всё будет хорошо. Нуж-
но только разобраться в том, что со мной происходит, и най-
ти силы сказать правду — хотя бы себе.

А пока... пока можно просто отдохнуть.

В коридоре послышались шаги — уверенные, размерен-
ные. Я открыла глаза и выпрямилась. В палату вошёл доктор
Темпелман. Его лицо, обычно спокойное и собранное, сей-
час выражало явное возмущение. Он закрыл за собой дверь
и подошёл к кровати, глядя на меня строго, почти осуждаю-
ще.

— Анна, — его голос звучал жёстче, чем раньше, —
результаты анализов однозначны. В организме обнаружены
следы наркотических веществ — и не одного вида. Как вы
могли допустить такое? И почему скрывали?

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Руки задрожали, а дыхание сбилось.

— Я... я не могу просто «допустить», — прошептала я, опустив глаза. — Мой муж Брэк. Он заставляет меня это принимать. Если я отказываюсь... — голос предательски задрожал, — он меня избивает.

Доктор замер, его взгляд стал ещё более пристальным.

— Вы говорите, что муж принуждает вас к приёму наркотиков и применяет физическое насилие? — уточнил он твёрдо, но уже без прежнего возмущения.

— Да, — я сглотнула комок в горле. — Если вы попытаетесь с ним связаться, станет только хуже. Он... он очень опасен. Он найдёт способ отомстить — не только мне, но и тем, кто попытается вмешаться.

Темпелман сел на стул рядом с кроватью, сложил руки на коленях и посмотрел мне прямо в глаза:

— Анна, это серьёзная ситуация. Нам нужно действовать осторожно. Но я не могу оставить вас в опасности. Расскажите подробнее: как долго это продолжается? Были ли случаи, когда он причинял вам серьёзный вред?

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Несколько лет, — тихо произнесла я, и от этих слов внутри всё сжалось. — Сначала это были «просто пару таблеток, чтобы расслабиться». Он говорил, что это поможет мне справиться со стрессом, сделает меня «более открытой». Я была так наивна... Потом всё изменилось. Угрозы стали

жёстче, появились требования принимать определённые вещества «для общего дела».

Я замолчала, собираясь с силами. Доктор терпеливо ждал, не торопил — и это придало мне смелости продолжить.

— Главная причина его ярости... — я запнулась, голос дрогнул, — когда я отказываю ему в близости. Это становится спусковым крючком. Он считает, что я «обязана» выполнять свои «супружеские обязанности» — и неважно, хочу я этого или нет. Если я говорю «нет», он сначала кричит, потом переходит к угрозам. А если я продолжаю сопротивляться — я невольно коснулась шеи, где под волосами всё ещё оставался едва заметный синяк, — тогда он толкает меня, бьёт. Пару недель назад он толкнул меня в стену. Сказал, что в следующий раз будет хуже, если я «подведу его перед партнёрами».

Доктор нахмурился, на его лице отразилась глубокая озабоченность. Он молча откинулся на спинку стула, обдумывая услышанное, а потом медленно произнёс:

— Несколько лет... Это многое объясняет — и состояние вашего организма, и психологические последствия. Анна, теперь я понимаю, почему вы так долго молчали. Но чем дольше это длится, тем опаснее становится ситуация.

— Именно поэтому я боялась комуто рассказать, — прошептала я. — Брэк умеет быть незаметным в обществе. На людях — идеальный муж, заботливый, внимательный. Никто не поверит, что за закрытыми дверями он...

— Мы найдём выход, — перебил меня Темпелман уже мягче, но твёрдо. — Я не брошу вас один на один с этой бедой. Сейчас главное — ваше здоровье. Мы проведём полное обследование, поможем организму восстановиться. А дальше вместе подумаем, как выстроить защиту. Вы не обязаны терпеть это вечно. Обещаю: я помогу вам найти путь к безопасности и свободе.

Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то сдвигается. Впервые за долгое время я не одна. Кто-то не просто верит мне — он готов помочь.

— Да, — сказала я твёрже. — Я готова. Только пожалуйста, не сообщайте родителям. У отца больное сердце — если он узнает, что происходит, это может его убить. А мама... она начнёт войну, а Брэк умеет быть незаметным и жестоким одновременно. Я не хочу подвергать их опасности.

Темпелман кивнул:

— Понимаю. Мы будем действовать так, чтобы минимизировать риски для всех. Вы можете мне доверять.

Я впервые за долгое время почувствовала проблеск надежды.

Доктор улыбнулся — на этот раз понастоящему тепло:

— Отлично. Тогда начнём с обследования. А пока отдыхайте. Через час придёт медсестра, возьмёт дополнительные анализы. Вы не одна, Анна. Мы со всем разберёмся. Шаг за шагом.

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. Тревога всё ещё

жила внутри, но теперь она не казалась всепоглощающей. Впервые за годы я чувствовала, что у меня появился шанс — шанс вырваться и начать всё сначала.

Вдруг дверь палаты тихо скрипнула и приоткрылась. Моё сердце пропустило удар. Я резко повернула голову.

В проёме стоял Зейд. Его лицо выглядело напряжённым, глаза беспокойно бегали по комнате — он явно был взволнован, но изо всех сил старался это скрыть. На мгновение наши взгляды встретились, и я почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб.

— Анна? — его голос прозвучал чуть хрипло. — Как ты? Что случилось?

Внутри всё сжалось. Паника накрыла с головой: *услышал ли он? Услышал ли хоть часть нашего разговора с доктором?* Если да — Брэк узнает обо всём в тот же день. А если Зейд начнёт задавать вопросы Я не смогу врать ему — он слишком хорошо меня знает.

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались:

— Всё всё хорошо, Зейд. Просто небольшой обморок, ничего серьёзного.

Он сделал шаг вперёд, но доктор Темпелман поднялся со стула и мягко, но твёрдо преградил ему путь.

— Простите, — голос доктора звучал спокойно, но непреклонно. — Пациентке нужен покой. Обследование только началось, и ей крайне важно сейчас отдохнуть.

Зейд перевёл взгляд с меня на врача, потом снова на меня.

В его глазах читалась тревога и недоговорённость — он явно хотел узнать больше.

— Но я всего на минуту Я просто хотел убедиться, что с ней всё в порядке. Мы же друзья с детства, доктор.

Темпелман чуть наклонил голову, сохраняя доброжелательный, но твёрдый тон:

— Я понимаю вашу заботу, но сейчас любые волнения могут ухудшить состояние Анны. Давайте дадим ей пару часов отдыха, а позже вы сможете навестить её снова. Договорились?

Зейд помедлил, бросил на меня ещё один долгий взгляд — в нём было столько невысказанных вопросов, — и наконец кивнул:

— Хорошо. Но я вернусь через пару часов. Анна, выздоравливай.

— Спасибо, Зейд, — мой голос прозвучал тише, чем я хотела. — Я... я буду ждать.

Когда дверь за ним закрылась, я выдохнула — так глубоко, будто до этого несколько минут не дышала вовсе. Руки слегка дрожали.

Доктор вышел.

Я закрыла глаза, пытаясь унять внутреннюю дрожь. но тревога не уходила. Зейд вернётся. И он не отступит просто так.

Глава 4

Зейд

Несколько месяцев назад.

Наконец-то сегодня к нам приведут новенького специалиста — отличное начало дня!

Вот уже год, как я совмещаю две должности — не бесплатно, разумеется, но всё-таки хотелось бы от этого избавиться. С сегодняшнего дня я сосредоточусь исключительно на одной должности, хотя мне предстоит ввести нового сотрудника в курс дела и курировать его около полугода.

Да, пусть так — всё равно без опыта никого не возьмут, так что задача вполне выполнимая. Только вот знать бы, женщина это или мужчина. Мне бы хотелось, чтобы это был мужчина: находить общий язык с женщинами порой бывает непросто.

— Дорогой, о чём это ты так задумался? — На кухню зашла Элли, моя жена. Чистое создание, моя поддержка и опора, хотя мы и поженились по расчёту — так было нужно обеим семьям. Но за годы совместной жизни я искренне привязался к ней, хоть и не могу назвать это любовью.

— Сегодня к нам приведут нового специалиста, и с меня снимают вторую должность. Вот гадаю, с кем мне придётся дальше работать.

— Всё будет хорошо, ты заслужил, чтобы это был нор-

мальный, ответственный человек.

— Очень надеюсь, спасибо, моя дорогая, — я привстал изза стола, обнял Элли и поцеловал в макушку. Мы уже двадцать два года в браке. Пусть наш союз начался как деловая договорённость, я ценю её, уважаю и искренне привязан — она моя надёжная опора в этой непростой жизни.

Я подтянул рукава наверх и посмотрел на часы.

— Чёрт, чёрт, чёрт! Как так, я уже опоздал!

— Ничего страшного, иногда можно и опоздать, — Элли, как всегда, умеет найти слова, чтобы меня подбодрить.

— Хорошо, я поехал. Будь на связи, дорогая, — я поцеловал её на прощание и вышел во двор.

До работы — двадцать минут на машине. На пятиминутку, естественно, не успею, да и незачем — новенького приведут к общему совещанию, так что ничего не потеряно. Вряд ли кто-то заметит моего отсутствия.

На этот раз дорога заняла меньше пятнадцати минут — удача на моей стороне.

Как только я вошёл в проходную, Стэн поспешил ко мне:

— Зейд, привет! Кажется, там новенькая — по твою душу.

Мистер Свонн спрашивал меня, заходил ты или нет.

— Хорошо, Стэн, спасибо, что предупредил.

Я решил сразу подняться к директору, чтобы не заставлять никого ждать. Постучался в дверь и заглянул внутрь: к счастью, там был только сам Свонн, и я проскользнул в кабинет.

— Привет, Свонн. Извини, я задержался дома. Стэн предупредил, что ты искал меня.

— Привет, Зейд. Ничего страшного, тебе простительно. Слушай, новенькая уже здесь. Я пока отправил её в отдел кадров. Через десять минут созову общее совещание и заодно представлю её — не забудь.

— Новенькая, значит Хорошо, приду заранее.

«НОВЕНЬКАЯ?» — пронеслось у меня в голове. Ну спасибо, одно из моих опасений сбылось быстрее, чем я ожидал. Теперь мне точно придётся разбираться в женской психологии.

Я отнёс свои вещи на рабочее место, заварил чай и сразу вернулся в кабинет Свонна — он всё ещё был один.

— Зейд, вижу, тебе не терпится познакомиться с новым сотрудником, — парировал Свонн. Этот человек явно подшучивал надо мной.

— Ну, Свонн, работать и курить женщину — последнее, чего бы я хотел.

— Да что ты, дорогой Зейд! Впервые, это очаровательное создание я бы не стал называть просто «женщиной», а вовторых, ты будешь очень доволен ею.

— Твои слова не слишком обнадеживают, друг мой. Но всё же я буду надеяться на лучшее — например, что она не пройдёт стажировку.

— Спешу огорчить: мы берём её сразу на работу, без стажировки.

«Только не это!» — подумал я, чуть не подавившись чаем. Этот старик явно решил меня испытать.

— Оу, спасибо, конечно. Это уже вторая, мягко говоря, неприятная новость с утра. Да что там — ужасная! Ты что, берёшь её по благу? — я не упустил шанса выразить своё недовольство.

— Зейд, почему ты меня огорчаешь? Никакого блага. Её кандидатуру предложили сверху: она заняла первое место в мировом тендере, и такого сотрудника не захотели упускать.

— Ну спасибо. Это ещё хуже. Значит, это молодая особа, которая будет докладывать на нас при малейшем поводе.

— Да что с тобой сегодня, Зейд? — начал было Свонн, но тут в кабинет ворвались наш шутник Уилл Майри и его приятель Лим Шоррен. За ними последовали и другие сотрудники.

— В чём дело, Свонн? Не вижу твоей очаровательной особы. Опоздать на первое совещание — не лучшее начало, — произнёс я. Девушки в аудитории захихикали: понятно, что они тоже не в восторге от новой сотрудницы.

— Зейд, попрошу тебя в течение этого совещания держать себя в руках, — Свонн бросил на меня строгий взгляд. — Наша, как ты выразился, новая сотрудница ждёт, пока я приглашу её сюда.

Он обернулся к остальным:

— Дорогие коллеги, я собрал вас ненадолго: представлю вам нашу новую сотрудницу, и мы разойдёмся.

Свонн подошёл к двери, открыл её и пригласил войти девушку неземной красоты. «Ладно, хоть что-то хорошее в этом дне», — мелькнуло у меня в голове.

— Друзья, безумно рад представить вам АннуСтейси Дженнер, нашего нового специалиста по проектам для крупных заказчиков. Прошу любить и жаловать.

Все взгляды устремились на неё — в том числе и мой. Чёрт побери, я не мог отвести глаз. Девушка невысокого роста, с длинными волосами, в сером костюме с приталенным пиджаком. А глаза...Невероятно яркого зелёного цвета. Наверняка линзы, но, помоги нам Господь, как она прекрасна!

Я отвлёкся от неё, только когда услышал шёпот Уилла и Лима. «Ох уж этот Уилл — вышел на охоту», — подумал я. Остальные мужчины выглядели так, будто давно не видели привлекательных женщин.

Тут заговорил Свонн:

— Парни, я вас слышу. Спешу сообщить: Анна замужем, у неё есть ребёнок.

Эти слова повергли меня в шок. Замужем и ребёнок? Сколько же ей лет? Выглядит на семнадцать Если она вышла после декрета Страшно даже подумать.

— Анна, проходите, пожалуйста, возьмите папку для ознакомления и присаживайтесь вот сюда, — Свонн указал на место напротив меня.

Девушка, словно бабочка, порхнула к столу директора. Все следили за ней, пока она шла мимо. Мы встретились

взглядами — на её щеках тут же появился лёгкий румянец. Смутилась? Мимо меня пронёсся приятный, слегка сладковатый аромат — возможно, парфюм зеленоглазки.

Когда она села напротив, я поднял на неё взгляд. Чёрт, эти зелёные глаза... Я смотрел прямо на неё, а она — на меня. Её щёки ещё сильнее покраснели.

Признаю, дело не так уж плохо: если она смущается от одного моего взгляда, я сумею её расположить к себе довольно быстро. Но меня не покидало чувство, что я её где-то видел.

— Дорогие друзья, надеюсь, вы сработаетесь. После совещания можете поближе познакомиться. А пока — вы свободны.

Все поднялись и направились к выходу. Мы с Дженнер тоже пошли к двери, но Свонн остановил нас:

— Зейд и Анна, а вас я попрошу задержаться. Зейд, не хочешь представиться своей подчинённой? — ну да, конечно, Свонн не упустил бы возможности немного надо мной подшутить.

— Да, конечно, буду рад.

Мы с Дженнер вернулись.

— Дорогая Анна, это Зейд Колден — ваш наставник. Он будет курировать вас следующие полгода.

— Очень приятно, мистер Зейд, — произнесла она почти шёпотом, мягким, ласковым голосом.

— Взаимно, Анна. Но зовите меня просто Зейд. Добро пожаловать в наш коллектив. Буду вашим наставником — если

не сбежите, ведь вы единственная девушка в нашем крыле, — я протянул ей руку в знак приветствия. Ехидство никто не отменял: если немного припугнуть девушку, её будет легче расположить к себе.

— Не волнуйтесь, Зейд. Я убеждена в обратном, — ответила она более уверенным тоном.

— Очень рад, Анна. Значит, сработаемся, — парировал я, чтобы не затягивать разговор, но тут я спросил. — Но у меня вопрос, не относящийся к работе: ваши глаза...

— Это не линзы, это родной цвет моих глаз, — перебила она меня.

— Они у вас прекрасны, — неожиданно для себя я сделал ей комплимент.

— Как и у моего отца, — парировала девушка.

Тут в разговор вмешался Свонн:

— Кстати, Зейд, как выяснилось, миссис Дженнер — дочь твоего старого друга Саймона Кайда.

Вот это новость!

— Да? Вот как Честно говоря, неожиданно. Как дела у Саймона? Я очень давно его не видел, да и он пропал после переезда. Боже, Анна, как я вас не узнал? Вы очень изменились. Да и когда вы вышли замуж?

— У папы всё хорошо, спасибо. Но вас я не припомню, — мягко ответила Анна, слегка склонив голову.

— Это не беда. Передавайте привет Саймону. И давайте на «ты» — так я не чувствую себя стариком, — я невольно

улыбнулся.

Анна тихонько рассмеялась и кивнула. По какойто необъяснимой причине я ей подмигнул — и тут же мысленно отругал себя за эту неуместную фамильярность. Но её глаза действительно могли свести с ума любого.

— Так, Анна, Зейд, очень рад, что вы познакомились поближе, — вмешался Свонн. — Думаю, вы поладите. А теперь вам пора — у меня скоро онлайнсовещание. Анна Стейси, ещё раз добро пожаловать. Желаю удачи!

— Спасибо, дядя Свонн, хорошего дня, — мило ответила Анна и направилась к выходу.

«Дядя Свонн?» — пронеслось у меня в голове. «Чудное создание... Милота в чистом виде, хоть и не лезет в ворота».

Я решил проводить девушку до её рабочего места и заодно дать доступ к данным на её компьютере. По пути мы обменялись парой фраз о том, как устроена работа в отделе. Анна держалась уверенно, но без высокомерия — это подкупало.

— Вот твоё рабочее место, — я указал на стол у окна. — Компьютер уже включён, я сейчас настрою доступ к корпоративным ресурсам. Пароль пришлю на почту — он временный, потом сменишь.

— Спасибо, Зейд. Я постараюсь не подвести, — она улыбнулась, и в уголках её глаз собрались едва заметные морщинки.

В этот момент я вдруг отчётливо осознал, что впервые за долгое время мне интересно работать с новым человеком. Не

изза статуса или выгоды — просто интересно.

— Не переживай, — ответил я чуть мягче, чем собирался. — У тебя всё получится. Если будут вопросы — обращайся в любое время.

Анна кивнула, села за стол и начала раскладывать вещи из папки. Я задержался на секунду, наблюдая, как она аккуратно раскладывает бумаги, а потом направился к своему кабинету.

По дороге я поймал на себе многозначительные взгляды Уилла и Лима. Уилл подмигнул и показал большой палец вверх, а Лим тихо присвистнул. Я лишь покачал головой и ускорил шаг.

Вернувшись к себе, я сел за стол и уставился в монитор. Мысли крутились вокруг Анны: её манеры, голос, взгляд... И это неожиданное родство с Саймоном. Надо будет позвонить ему при случае — узнать, как он живёт, что нового.

Телефон завибрировал — пришло сообщение от Элли: «Как прошёл день? Надеюсь, новый сотрудник не слишком тебя утомил?»

Я улыбнулся и быстро набрал ответ: «Всё хорошо, дорогая. Новенькая, оказалась вполне адекватной. Скучаю по тебе».

Отправив сообщение, я откинулся на спинку кресла. День выдался насыщенным, но какимто другим. Будто в устоявшийся порядок вещей ворвалась свежая струя воздуха. И пусть я пока не понимал, к чему это приведёт, внутри зарож-

далось странное предвкушение чего-то нового.

Настоящее время

Утро началось как обычно: я заварил кофе, открыл ноутбук и уже собирался погрузиться в отчёты, когда в дверь постучали. Это был директор — он редко заходил в отдел лично, и от одного его вида у меня по спине пробежал холодок.

— Зейд, уделите мне пару минут, — его голос звучал официально, но не жёстко.

Я кивнул, отложил ноутбук и жестом пригласил его присесть. Директор остался стоять, сложив руки за спиной.

— Хочу сообщить вам первым, — начал он. — Анну переводят в другой филиал. На повышение. Решение уже принято, документы готовятся.

Кружка с кофе замерла на полпути к губам. Я поставил её на стол, стараясь не выдать волнения.

— Переводят? — переспросил я, будто не расслышал. — Куда? И... когда?

— В лондонский офис. Через месяц. Она показала отличные результаты, и руководство считает, что там она сможет раскрыть потенциал полностью.

«Лондон», — эхом отозвалось в голове. Далекое. Очень далеко. Месяц — это ничто. Слишком мало времени, чтобы что-то изменить.

Мы с Анной знакомы всего несколько месяцев — она пришла в компанию позже меня. Но за это время она успела стать важной частью офиса. Её присутствие незаметно, но

ощутимо — как свежий ветер в душном помещении.

Анна... Она всегда привносила в серые офисные будни что-то яркое. Помню, как впервые её увидел: она стояла у окна с чашкой чая, в наушниках, и слегка покачивалась в такт музыке. Когда заметила мой взгляд — тут же вытащила наушники, слегка покраснела и неловко улыбнулась: «Простите, просто музыка такая заразительная!»

Потом я не раз заставлял её за этим занятием — в наушниках, с закрытыми глазами, она покачивалась, притопывала ногой, полностью погрузившись в мелодию. Если замечал кто-то другой — она просто махала рукой, кивала в знак приветствия и продолжала танцевать. Так могла двигаться только она — свободно, без оглядки на то, что подумают другие. Но со мной всё было иначе: стоило мне появиться рядом, как она тут же возвращалась в роль «ответственного сотрудника».

В этот момент дверь резко распахнулась, и в кабинет ввалился Тейлор — наш секретарь, вечный источник неунывающего настроения и сомнительных шуток. Он замер на пороге, окинул взглядом директора и меня, потом театрально схватился за сердце:

— О, боже! — воскликнул он. — Я помешал какому-то тайному заговору? Или вы тут делите премию, а меня забыли позвать?

Директор едва заметно улыбнулся, а я лишь вздохнул:
— Тейлор, ты как всегда вовремя. Что случилось?

— Да ничего, — он небрежно махнул рукой. — Просто слышал краем уха про перевод Анны. И подумал: если её увезут в Лондон, кто будет спасать нас от тотального офисного уныния? Без её танцев у окна мы все через неделю превратимся в роботов с остекленевшими глазами!

Директор рассмеялся:

— Вижу, Анна успела завоевать симпатии коллектива.

— Ещё бы! — подхватил Тейлор. — Она единственная, кто может заставить меня улыбаться в 9 утра в понедельник. А теперь вы её забираете в Лондон. Может, хотя бы видеодневник заведёт? «Анна танцует: сезон первый, серия первая»?

Я невольно улыбнулся. Тейлор умел разрядить обстановку одним своим появлением. Но за шуткой сквозила правда: Анна действительно была тем самым элементом, который делал офис живым.

Директор тем временем продолжил:

— Я знаю, вы с Анной неплохо ладите. Думаю, будет правильно, если именно вы сообщите ей эту новость лично. Подготовьте всё к встрече в 11:00. Хочу, чтобы она услышала это не из письма, а от кого-то из коллег.

Я машинально кивнул, хотя внутри всё перевернулось. Сообщить ей? Лично?

— Да, конечно, — выдавил я. — Я поговорю с ней. Когда директор и Тейлор вышли, я остался сидеть, глядя в одну точку. Лондон. Месяц. Повышение. Звучит как успех, как

повод для радости. Но почему тогда на душе так тяжело?

Мы знакомы недолго, но я успел оценить её живой ум, её способность разрядить обстановку шуткой в самый напряжённый момент, её искреннюю улыбку, которая будто освещала всё вокруг. Мысль о том, что её не будет в соседнем кабинете, что я не услышу её смех изза стены, не увижу, как она, задумавшись, рисует какие-то каракули на полях блокнота... Это оказалось неожиданно болезненным открытием.

Я подошёл к окну. Город уже проснулся: машины неслись по улицам, люди спешили на работу, солнце отражалось в стёклах высоток. Всё шло своим чередом. Но для меня мир только что слегка сдвинулся с оси.

Нужно было что-то делать. Узнать подробности, поговорить с ней, понять, насколько это окончательно. Потому что я не мог просто так отпустить её — не разобравшись, не сказав хотя бы слова.

Я взглянул на часы: до 11:00 оставалось меньше часа. Глубоко вдохнул, расправил плечи и вышел из кабинета. Пора идти к Анне.

Коридор казался длиннее обычного. Каждый шаг отдавался в груди глухим стуком сердца. Как она отреагирует? Обрадуется? Или, может, испугается перемен?

Выйдя из кабинет, я направился в сторону кабинета Анны и парней, коридор казался мне бесконечно длинным и ужасно узким. Я постучался и заглянул:

— Да, Зейд?

— Анна, зайди ко мне, пожалуйста. Есть важный разговор, — постарался говорить спокойно, но голос чуть дрогнул на последней фразе.

— Хорошо, сейчас буду, — ответила она без паузы, будто уже предчувствовала что-то необычное.

Через несколько минут в дверь постучали.

— Входи, — отозвался я.

Анна вошла, слегка запыхавшись, — видимо, шла быстро. Поправила прядь волос, упавшую на лицо, и улыбнулась:

— Ты хотел меня видеть? Что-то случилось?

Я указал на стул напротив:

— Присаживайся. Пожалуйста.

Она села, сложила руки на коленях и посмотрела на меня внимательно, чуть склонив голову. В её взгляде читалось любопытство, но и лёгкая тревога.

Я помолчал мгновение, собираясь с мыслями.

— Анна, — наконец произнёс я, глядя ей прямо в глаза, — у меня для тебя новость. Тебя переводят. В лондонский офис. Через месяц. Это повышение. Руководство высоко оценило твою работу. Ты его заслужила.

На мгновение в кабинете повисла тишина. Только тиканье настенных часов нарушало это странное затишье.

Её улыбка медленно погасла. Она опустила взгляд на свои руки, теребила край рукава — так делала всегда, когда волновалась.

— Зейд... — начала она тихо. — Я я не могу принять это

предложение.

Я замер, не веря своим ушам:

— Что значит «не можешь»? Это же огромный шанс! Ты ведь сама говорила, что хочешь развиваться...

Анна подняла глаза — в них читалась твёрдость, смешанная с сожалением:

— Знаю. И это действительно большой шанс. Но у меня личные обстоятельства. Они не позволяют мне уехать так далеко. Пока не позволяют.

— Личные обстоятельства? — осторожно переспросил я.
— Ты уверена? Может, есть способ всё устроить? Мы могли бы...

— Нет, — она покачала головой. — Решение принято. Я благодарна за предложение, правда. Но я останусь здесь.

В её голосе звучала такая решимость, что я понял: спорить бесполезно.

— Хорошо, — выдохнул я. — Я передам руководству твой ответ.

Анна слегка улыбнулась — на этот раз грустно:

— Спасибо, Зейд. За то, что понимаешь. И за то, что сообщил мне лично. Это много значит.

Я кивнул, пытаюсь осмыслить услышанное. Лондон отменяется. Анна остаётся. Странное чувство облегчения смешалось с любопытством: что же за обстоятельства держат её здесь? Но спрашивать я не стал — если захочет, сама расскажет.

— Тогда давай вернёмся к текущим задачам, — предложил я, стараясь вернуть разговору деловой тон. — У нас на этой неделе презентация проекта, нужно проверить все материалы.

— Да, конечно, — Анна расправила плечи, снова ставясь собранной и деловой и направилась к выходу.

Я смотрел в окно, пока Анна выходила из моего кабинета. Она прикрыла дверь аккуратно, почти неслышно, и на мгновение остановилась в коридоре — глубоко вздохнула, провела рукой по волосам. Было видно, что разговор дался ей непросто.

В этот момент изза угла выскочил Тейлор. Я видел их через стеклянную панель двери: он сразу бросился к Анне с привычной широкой улыбкой, но, заметив её задумчивое лицо, заметно сбавил тон.

Я не слышал слов, но легко мог представить диалог. Вот Тейлор шутит про Лондон, про Букингемский дворец и круассаны на завтрак. А Анна качает головой и что-то отвечает — коротко, серьёзно. Улыбка сползает с лица Тейлора. Он замирает на полушаге, потом его лицо смягчается.

Тейлор разводит руками, говорит что-то с комичной печалью, жестикулирует — явно выражает сожаление, что Анна не едет. Потом, судя по всему, шутит снова — Анна наконец улыбается, пусть и слабо. Тейлор тут же оживляется, делает какой-то торжественный жест, будто объявляет праздник.

Анна покачала головой, улыбнулась чуть шире и, махнув

Тейлору рукой, направилась в сторону своего рабочего места. Тейлор ещё пару секунд постоял, глядя ей вслед, потом развернулся и пошёл в противоположную сторону — к кофейному автомату, судя по его привычному маршруту.

Я отступил от окна и вернулся к столу. В груди всё ещё было непривычно тяжело, но теперь к этому чувству примешивалось что-то ещё — облегчение. Анна останется. Здесь. В этом офисе, за соседней стеной, с её утренними танцами у окна и мятным чаем с отколотым краешком чашки.

Мысли невольно вернулись к нашему разговору. Её твёрдое «я не могу» прозвучало так уверенно, но в глазах читалась грусть. Личные обстоятельства. Что бы это ни было, для неё это действительно важно. И я уважал её решение.

На столе лежал распечатанный план презентации — тот самый, который мы собирались дорабатывать вместе. Теперь всё оставалось по плану: встречи, дедлайны, рабочие задачи. Но теперь в этом расписании было место и для чего-то ещё. Для возможности случайно столкнуться с ней у кофемашины. Для её смеха изза стены. Для тех моментов, когда она, задумавшись, рисует каракули на полях блокнота.

Я взял ручку и сделал пометку в ежедневнике: «Обсудить с Анной график проекта X — завтра, 10:00». Просто рабочая встреча. Но теперь я знал, что после неё можно будет предложить: «Может, выпьем кофе?» — и услышать в ответ её обычное: «С мятным чаем?»

Лёгкая улыбка тронула мои губы. Да, всё остаётся по пла-

ну. И это, пожалуй, лучший сценарий из всех возможных.

Спустя примерно пятнадцать минут я постучал в кабинет Анны. Она уже ждала у двери — собранная, но с едва заметной тенью усталости в глазах.

— Готова? — спросил я.

Она кивнула:

— Да, идём.

Мы направились к директору. Анна шла чуть позади, и я чувствовал её присутствие за спиной — обычно это придавало уверенности, но сейчас лишь усиливало тревогу.

Разговор с директором занял совсем немного времени. Он принял решение Анны остаться, но предложил компромисс:

— Анна, раз уж вы остаётесь, хочу предложить вам курировать лондонские проекты удалённо. Вы будете связующим звеном между нашими офисами, координировать совместные задачи и контролировать сроки. Это высокий уровень ответственности и отличная возможность проявить себя без переезда.

Анна задумалась, нервно поправила прядь волос и повернулась ко мне. В её взгляде читалась явная неуверенность.

— Зейд, — тихо сказала она, — мне очень важно услышать мнение моего наставника. Что ты думаешь? Стоит ли соглашаться? Я доверяю твоему опыту — без твоего совета мне сложно принять решение.

Я на мгновение замер, осознавая, какую ответственность она только что на меня возложила. Потом мягко улыбнулся

и кивнул:

— Это действительно хороший вариант. Ты отлично справишься. У тебя есть все навыки для этой роли, а я буду рядом — помогу на любом этапе.

Она выдохнула с облегчением, будто сбросила с плеч невидимый груз, и повернулась к директору:

— Хорошо, я согласна. Спасибо за предложение. И спасибо, Зейд, — добавила она, бросив на меня благодарный взгляд, — за поддержку и совет. Без твоего мнения я бы ещё долго сомневалась.

— Отлично, — директор улыбнулся. — Зейд, помоги Анне войти в курс дел по этим проектам. На следующей неделе проведём первую совместную видеоконференцию с лондонской командой.

— Разумеется, — я кивнул. — Всё будет сделано.

На обратном пути Анна молчала, но теперь в её молчании читалось не напряжение, а сосредоточенность — она уже мысленно погружалась в новые задачи. Время от времени она бросала на меня короткие взгляды, и в них я видел не просто благодарность, а новое доверие, более глубокое.

В коридоре было оживлённо: кто-то торопился с папками, кто-то болтал у кулера. Мы почти дошли до поворота к нашему отделу, когда Анна вдруг споткнулась. Не упала, но покачнулась, схватилась за стену и прислонилась к ней.

— Анна? — я мгновенно оказался рядом, поддержал её под локоть. — Что случилось?

Она подняла на меня глаза — бледная, с каплей пота на виске. Дышала часто, неровно.

— Всё... в порядке, — попыталась улыбнуться она.— Просто голова закружилась. Сейчас пройдёт.

— Не «в порядке», — я осторожно взял её за плечи. — Пойдём в твой кабинет, там ты сможешь присесть и отдышаться.

Я аккуратно повёл её по коридору. Анна опиралась на мою руку, шагала осторожно, будто проверяя устойчивость каждого шага. Когда мы вошли в её кабинет, я помог ей сесть в кресло у стола.

— Откинься на спинку, — мягко сказал я. — Закрой глаза и дыши ровно. Я останусь здесь, пока тебе не станет лучше.

Я придвинул стул и сел рядом, внимательно наблюдая за ней. Минуты текли медленно. Постепенно дыхание Анны стало ровнее, цвет лица начал восстанавливаться. Она открыла глаза и слабо улыбнулась:

— Уже лучше, правда. Спасибо, Зейд. Извини, что напугала. Просто сегодня слишком много событий...

— Не нужно извиняться, — я слегка сжал её руку. — Главное, что тебе становится легче. Ты уверена, что всё в порядке?

— Да, — она кивнула. — Честно. Можешь идти, я справлюсь.

Я ещё несколько мгновений помедлил, убеждаясь, что она действительно в норме, затем поднялся:

— Если что — сразу зови, хорошо?

— Обязательно, — Анна улыбнулась уже увереннее. — Спасибо ещё раз.

Выйдя из кабинета, я остановился у окна. Сердце всё ещё билось чуть быстрее обычного. Я поймал себя на мысли, что слишком сильно переживаю за Анну — сильнее, чем, возможно, следовало бы наставнику. Но я не мог иначе: её искренность, уязвимость в тот момент, когда она опиралась на моё мнение, тронули что-то внутри.

«Она справится, — мысленно повторил я. — А я помогу. В этом и есть роль наставника — быть опорой, когда это нужно».

Глубоко вдохнув, я направился к своему кабинету. Впереди ждали рабочие задачи, но теперь у меня была ещё одна важная цель — помочь Анне раскрыть свой потенциал в новой роли. И сделать это так, чтобы она чувствовала: она не одна.

Спустя примерно час я направился в кабинет троицы — нужно было уточнить пару деталей по текущему проекту. Толкнул дверь и замер на пороге: в помещении было непривычно тихо и пусто.

Кабинет встретил меня безмолвием и мягким дневным светом, льющим через большое окно. На стенах висели распечатки графиков, пара мотивационных постеров и фотография команды с прошлогоднего корпоратива — все улыбаются, кто-то строит рожицу, а Уиил в центре держит огром-

ный кубок, который мы выиграли на хакатоне. Анны на фото не было: она присоединилась к нам всего несколько месяцев назад, так что в тех весёлых приключениях ещё не участвовала.

Столы стояли буквой «Г»: два рядом у окна (Уиила и Лима), третий — напротив, а рядом с ним — изящный столик Анны. На её столе сразу бросались в глаза: яркая кружка с надписью «Код — это поэзия»; миниатюрный кактус в горшке, которому парни торжественно присвоили имя «Мистер Кодинг»; стопка стикеров всех цветов радуги с пометками вроде «подумать», «срочно», «гениально (наверное)».

На столах парней царил творческий беспорядок: у Уиила — открытый ноутбук с десятком вкладок, стопка комиксов поверх документации и банка изпод энергетика с наклейкой «Топливо для гения»; у Лима — пара джойстиков, распечатки кода с пометками красным маркером и забытый шлем виртуальной реальности; над монитором Уиила висел рукописный плакат: «Если код не работает с третьего раза — значит, пора пить кофе».

Воздух ещё хранил едва уловимый аромат свежесваренного кофе и чего-то сладкого — видимо, Анна опять принесла домашние маффины, которыми всегда щедро делилась с коллегами. На доске для заметок красовалась свежая надпись мелом: «Дедлайн не горит, но слегка дымится :)».

Я окинул взглядом пустые кресла, покачивающиеся на сквозняке, и улыбнулся. Всё ясно: раз их нет всех вместе,

значит, отправились на обед. Анна никогда не обедала одна — всегда вытаскивала парней из «рабочего трансa», а те в ответ шутили, что без неё забыли бы, как выглядит еда. Уиил обычно ворчал: «Ну ладно, только если там есть шоколадные маффины», а Лим добавлял: «И кофе. Много кофе».

Вернувшись к себе, я закрыл дверь кабинета и погрузился в работу. Сначала мысли то и дело возвращались к Анне — я вспоминал, как днём ей стало нехорошо прямо в коридоре: её бледное лицо, каплю пота на виске, неровное дыхание и ту неуверенную улыбку, с которой она уверяла, что всё в порядке. «Просто голова закружилась, сейчас пройдёт», — говорила она тогда. Я помог ей дойти до кабинета, убедился, что ей полегчало и поверил. Поверил, что худшее позади.

Но постепенно цифры, графики и строки кода затянули меня целиком. Я проверял расчёты, вносил правки в презентацию, сверял сроки — время текло незаметно.

Четыре часа пролетели как один миг. Экран монитора слегка рябил от долгого всматривания, в висках отдавалась лёгкая пульсация — я только собрался сделать перерыв, размять шею и налить себе кофе, как вдруг резко зазвонил телефон.

Я машинально взял трубку:

— Зейд слушает.

— Зейд, это Лим, — голос звучал непривычно серьёзно, без обычной шутиливой нотки. — У нас проблема.

— Что случилось? — я выпрямился в кресле, предчув-

ствие ударило под дых.

— Анна в больнице, — вмешался в разговор Уиил. — Пару часов назад ей снова стало плохо, мы сразу вызвали скорую. Врачи сказали, что какое-то время её не будет на работе. Пока ничего конкретного, но в общем, она под наблюдением.

Мир будто на мгновение замер. В ушах зашумело, а пальцы невольно сжали трубку так, что костяшки побелели.

— В больнице? — переспросил я глухо, словно звук доносился издалека. — Почему вы сразу не позвонили? Почему я узнаю об этом только сейчас?

— Мы пытались сначала разобраться сами, — объяснил Лим. — Думали, обойдётся. Но когда её увезли, поняли, что надо сообщить тебе. Ты же её наставник, да и... ты же видел, как ей было нехорошо днём. Мы сами не придали значения, думали, просто переутомилась...

Я провёл ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыслями. Вина, тревога, страх — всё смешалось внутри, сдавило грудь. В памяти всплыли детали: как она покачнулась у стены, как цеплялась за неё, как дышала часто и прерывисто. А я тогда решил, что достаточно усадить её в кресло, дать воды — и всё наладится.

— Какой госпиталь? — коротко спросил я.

— Городская клиническая, отделение терапии.

— Понял. Спасибо, что сообщили. Держите меня в курсе, ладно? Если что — сразу звоните.

— Конечно, — хором ответили парни.

Я положил трубку и замер, глядя в одну точку. Перед глазами стояло лицо Анны — её улыбка, когда она говорила «со мной всё хорошо», её усталые глаза, её попытка казаться сильной. А я поверил. Поверил и вернулся к своим таблицам и срокам, пока ей становилось хуже.

«Надо было остаться рядом, — билась мысль. — Надо было настоять, чтобы она пошла к врачу ещё днём. Надо было не оставлять её одну...»

Я резко встал, схватил пиджак с вешалки и направился к двери. Разберусь с делами потом. Сейчас главное — узнать, что с Анной. Узнать, что она в безопасности. И быть рядом — на этот раз понастоящему.

Быстро шагая по коридору, я достал телефон и набрал номер больницы. Эхо моих шагов отдавалось в тишине пустующего офиса — большинство коллег уже разошлись, и только редкие лампы над головой мигали, напоминая, что рабочий день официально ещё не окончен. В груди сжималось от тревоги: перед глазами снова и снова всплывала картина — Анна, бледная, цепляющаяся за стену, её прерывистое дыхание...

После нескольких длинных гудков ответил женский голос: — Городская клиническая больница, отделение терапии. Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — произнёс я как можно спокойнее, сворачивая за угол и направляясь к лифту. — Я хотел бы узнать состояние пациентки — Анны Стейси Дженнер. Она посту-

пила сегодня.

— Одну минуту, — пауза затянулась на полминуты. В трубке слышались отдалённые голоса и шорох бумаг.

— К сожалению, мы не предоставляем информацию о пациентах по телефону. Вы её родственник?

— Нет, коллега и наставник, — ответил я, останавливаясь у лифта и нажимая кнопку вызова. — Но я очень переживаю за неё. Есть ли хоть какаято общая информация? Стабильно ли её состояние?

— Сожалею, но без письменного согласия пациентки или статуса близкого родственника я не имею права разглашать сведения. Вы можете приехать лично — в часы посещения мы предоставим необходимые данные.

Звонок ничего не дал. Я стоял у стеклянных дверей выхода, сжимая в руке телефон, и чувствовал, как внутри растёт отчаяние. Никаких новостей, никаких подробностей — только пустота и неизвестность. Ветер с улицы слегка колыхал занавеску рядом, а за окном уже загорались первые огни вечернего города.

«Значит, поеду туда, — твёрдо решил я. — Прямо сейчас. Увижу её своими глазами, узнаю всё лично. И больше не уйду, пока не буду уверен, что она идёт на поправку».

Я быстрым шагом направился к выходу из офиса, на ходу отправляя сообщение Лим и Уиилу: «Еду в больницу. Держите связь. Сообщите, если появится новая информация». Пальцы чуть дрожали, пока я убирал телефон в карман, но

решимость уже окрепла: сейчас главное — быть рядом с АннойСтейси. Всё остальное подождёт.

Оказавшись на улице, я глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и зашагал к парковке. В голове билась одна мысль: «Только бы с ней всё было хорошо...»

По приезду в больницу я сразу попытался дозвониться Уиилу и Лим — но оба телефона отвечали безликим «абонент недоступен». Внутри зашевелилось недоброе предчувствие.

Вестибюль больницы встретил меня гулом голосов, шагами спешащих людей и резким запахом антисептиков. Я подошёл к стойке информации, но дежурная медсестра лишь покачала головой: — Без статуса родственника или письменного согласия пациентки я не могу предоставить информацию.

Я помедлил мгновение, взвешивая варианты. Время работало против меня. Тихо, стараясь не привлекать лишнего внимания, я отошёл в сторону, достал конверт с парой купюр и вернулся к медсестре. — Прошу вас, — произнёс я тихо. — Я очень переживаю за коллегу. Она совсем недавно у нас, никого в городе у неё нет. Подскажите хотя бы, в какой палате АннаСтейси Дженнер.

Медсестра поколебалась, бросила взгляд по сторонам, затем вздохнула и сверилась с экраном:

— Палата 314, третий этаж. Но я вам ничего не говорила.

— Спасибо, — я кивнул с искренней благодарностью. —

Вы очень помогли.

Лифт полз вверх невыносимо медленно. Я сжимал и разжимал кулаки, пытаюсь унять нарастающее волнение. Третий этаж. Длинный коридор с приглушённым светом, запах лекарств, редкие шаги персонала вдалеке.

Палата 314. Я ускорил шаг, почти подбежал к двери — и замер. Возле дверей никого не было, но изза приоткрытой створки доносились голоса. Один — низкий, мужской, другой — знакомый, АнныСтейси.

Я на секунду застыл, не решаясь войти. Чтото в интонации мужчины насторожило меня. Я сделал шаг ближе, прислонился к стене и невольно прислушался.

— Несколько лет... — голос Анны дрожал, в нём звучала боль, которую я никогда раньше не слышал.

— Сначала это были «просто пару таблеток, чтобы расслабиться». Он говорил, что это поможет мне справиться со стрессом, сделает меня «более открытой». Я была так наивна...

Пауза. Затем она продолжила, и каждое слово давалось ей с трудом:

— Потом всё изменилось. Угрозы стали жёстче, появились требования принимать определённые вещества «для общего дела».

Мужской голос чтото ответил — глухо, неразборчиво, — но Анна не дала ему закончить:

— Главная причина его ярости... — она сделала глубокий

вдох, — это когда я отказываю ему в близости. Это становится спусковым крючком. Он считает, что я «обязана» выполнять свои «супружеские обязанности» — и неважно, хочу я этого или нет. Если я говорю «нет», он сначала кричит, потом переходит к угрозам. А если я продолжаю сопротивляться... — тогда он толкает меня, бьёт.

У меня перехватило дыхание. Кровь застучала в висках. Я вцепился в стену, чтобы не упасть.

— Пару недель назад он толкнул меня в стену, — продолжала Анна. — Сказал, что в следующий раз будет хуже, если я «подведу его перед партнёрами».

Земля ушла изпод ног. Я отшатнулся от двери, чувствуя, как внутри всё сжимается от ярости и боли. Анна... Она столько времени жила в этом кошмаре, а я даже не подозревал. Не заметил. Не помог.

Голос Анны затих. Я стоял, прижавшись к стене, и пытался осознать услышанное. В голове билась одна мысль: «Я должен ей помочь. Любой ценой».

Я ещё несколько долгих секунд простоял за дверью, пытаюсь взять себя в руки. В груди бушевала буря: ярость на того, кто причинял Анне столько боли, отчаяние от того, что она так долго несла этот груз в одиночку, и острая, почти физическая боль за всё, что ей пришлось пережить.

Глубоко вдохнул, выдохнул, провёл ладонью по лицу — нужно было хотя бы внешне выглядеть спокойным. Нельзя пугать её ещё сильнее.

Собравшись с силами, я толкнул дверь и показался в проёме.

Анна сидела на краю кровати, обхватив себя руками, словно пыталась защититься. Рядом, у окна, расположился врач в белом халате — средних лет мужчина с усталым, но внимательным взглядом. Он держал в руках планшет с записями и, похоже, только что закончил осмотр.

Я едва ли мог скрыть своё волнение — руки слегка дрожали, а в горле пересохло. Но я заставил себя сделать шаг вперёд и посмотреть Анне прямо в глаза.

— Анна... — голос чуть дрогнул, но я продолжил. — Анна, что случилось? — это было всё, что я смог выдавить из себя в тот момент. Больше никаких умных фраз, никаких профессиональных советов — только искреннее беспокойство, которое невозможно было спрятать.

Она подняла на меня взгляд — в её глазах читались одновременно страх, растерянность и какая-то отчаянная надежда. На мгновение мне показалось, что она вот-вот разрыдается.

— Зейд... — прошептала она!

Врач поднял голову, окинул меня внимательным взглядом и мягко, но твёрдо произнёс:

— Простите, но сейчас пациентке нужен покой. Я понимаю ваше беспокойство, но посещение придётся отложить.

Я сделал шаг к кровати, но врач преградил мне путь.

— Пожалуйста, — я попытался обойти его. — Я просто

хочу убедиться, что с ней всё в порядке.

— И вы убедитесь, — голос врача стал строже, но в нём не было враждебности. — Но не сейчас. Её состояние требует полного покоя. Любое волнение может ухудшить ситуацию.

Он положил руку мне на плечо — не грубо, а почти потечески.

— Пойдёмте со мной, — предложил он. — Я расскажу вам всё, что можно. Но здесь вы ей не поможете.

Я обернулся к Анне. Она едва заметно кивнула, будто говоря: «Так будет лучше».

— Я вернусь, — пообещал я ей. — Как только смогу.

— Хорошо, — тихо ответила она. — Спасибо, Зейд.

Врач вывел меня в коридор и закрыл дверь палаты. Мы отошли на несколько шагов, остановились у окна. Вечернее солнце бросало длинные тени на асфальт внизу.

— Её физическое состояние сейчас стабильное, — начал врач. — Но эмоционально она крайне истощена. У неё признаки длительного стресса, возможно — посттравматического синдрома. Я настоятельно рекомендую психологическую помощь.

— Я обеспечу ей всё необходимое, — твёрдо сказал я. — Только скажите, что нужно.

— Сейчас главное — безопасность и покой, — повторил врач. — И поддержка близкого человека. Если вы готовы быть этим человеком — это уже половина успеха.

Я кивнул, глядя на дверь палаты 314. Внутри всё ещё ки-

пело от гнева и тревоги, но теперь появилась цель.

— Когда я смогу её навестить? — спросил я.

— Завтра с 10 до 12 — часы посещения. И постарайтесь не затрагивать тяжёлые темы. Дайте ей время прийти в себя.

— Я понял, — я глубоко вдохнул. — Спасибо вам.

Врач слегка улыбнулся и похлопал меня по плечу:

— Вы хороший друг, Зейд. Это уже много значит для неё.

Я остался стоять у окна, глядя на дверь палаты 314. Внутри всё ещё кипело от гнева и тревоги, но теперь появилась цель.

Врач уже собирался отойти к другому крылу отделения, когда я догнал его у лестничного пролёта.

— Простите, — я положил руку на его плечо, стараясь говорить спокойно, хотя голос чуть дрожал от напряжения. — Я должен с вами поговорить.

Он обернулся, приподнял брови в немом вопросе.

— Я слышал разговор Анны, — признался я прямо.

— То, что она рассказывала... Это правда?

Врач помолчал, внимательно изучая меня взглядом. Затем вздохнул и слегка кивнул:

— К сожалению, да. Признаки длительного стресса налицо. Эмоциональное истощение, подавленность, следы физического воздействия. Но сама она пока не готова давать официальные показания.

— Скажите мне честно, — я сделал шаг ближе, понизив голос. — Насколько всё серьёзно? Что с её здоровьем сей-

час? Я готов заплатить любую сумму за полную информацию — только помогите мне понять, как я могу ей помочь.

Врач вскинул руку, останавливая меня:

— Деньги здесь ни при чём, молодой человек. Я не продаю информацию о пациентах. Но я вижу, что вы искренне переживаете. И это важно для Анны.

Он огляделся по сторонам, убедился, что рядом никого нет, и продолжил тише:

— Физически она относительно стабильна — никаких критических повреждений. Но эмоционально Ей нужна серьёзная поддержка. И защита. Она боится своего мужа, это очевидно. Он контролирует её, манипулирует, давит. Сегодня он приходил сюда — я не пустил его к ней, сославшись на необходимость покоя.

— Что я могу сделать? — я сжал кулаки. — Как я могу ей помочь?

— Впервых, будьте рядом, — ответил врач твёрдо. — Но не давите. Дайте ей понять, что она может вам доверять. Во-вторых, предложите помощь специалиста — психотерапевта. Я дам контакты надёжного человека. И в-третьих... будьте готовы действовать решительно, если ситуация обострится. Если она решит разорвать эти отношения, ей понадобится опора.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь уложить всё это в голове.

— Я сделаю всё, что нужно, — произнёс я уверенно. — Обещаю.

— Хорошо. Я буду на связи. Если что — звоните напрямую. И помните: главное сейчас — дать Анне почувствовать, что она не одна.

Глава 5

Анна

Спустя около сорока минут Зейд вернулся ко мне. Он был возбуждён — это было видно по его глазам, по тому, как нервно он сжал и разжал кулаки, прежде чем сделать шаг к кровати. Но он старался держаться максимально спокойно, будто репетировал перед зеркалом эту маску безмятежности.

Зейд быстро подошёл к кровати, бегло осмотрел меня взглядом — не как врач, а как человек, который боится пропустить хоть малейший признак боли.

— Анна, — его голос прозвучал твёрже, чем он, наверное, планировал. — Всё будет хорошо. Мы рядом — я, Уилл и Лим. Ты не одна. Поняла?

Я попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, и улыбка вышла жалкой.

— Спасибо, Зейд, — тихо ответила я. — Я благодарна вам всем. Но, правда, незачем волноваться. Это просто переутомление. Немного отдыха — и я буду в порядке.

Он чуть прищурился, словно пытался прочесть что-то в выражении моего лица, но не знал, что именно ищет.

— Ты уверена? — спросил он осторожно. — Может, стоит прислушаться к врачу? Он говорил о консультации психолога... Это может помочь.

Я внутренне сжалась, но постаралась сохранить ровный тон:

— Наверное, он перестраховывается. Я просто... слишком много работала в последнее время. Всё навалилось разом.

Зейд помолчал, обдумывая мои слова. Было видно, что он не до конца верит, но не хочет давить.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Но если что-то понадобится — любая помощь, поддержка, просто кто-то рядом... Ты знаешь, где нас найти. Мы не бросим тебя, Анна.

Я кивнула, чувствуя, как в груди что-то сжимается — то ли благодарность, то ли вина за то, что не могу открыться.

— Спасибо, — повторила я чуть слышно. — Это много для меня значит.

Он слегка улыбнулся — мягко, ободряюще.

— Отдыхай, — сказал он, поднимаясь со стула. — Мы будем на связи. Если захочешь поговорить — звони в любое время. Не жди, пока станет хуже. Договорились?

Я снова кивнула, на этот раз увереннее.

— Договорились, — прошептала я.

Зейд ещё мгновение постоял рядом, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал. Он слегка сжал моё плечо — коротко, дружески — и направился к двери.

— Выздоровливай, Анна, — бросил он через плечо уже у самого выхода. — Мы скоро навестим тебя все вместе.

Дверь тихо закрылась за ним, а я откинулась на подушку, пытаясь унять дрожь в руках. В груди теплилось непривыч-

ное ощущение: возможно, впервые за долгое время у меня появилась надежда.

После я решила всётаки попытаться уснуть. С собой у меня не было ни книг, ни карандашей, ни листочков, чтобы хоть чемто отвлечься. А телефон мой Я брать его в руки не хотела — он казался мне связующим звеном с той жизнью, от которой я сейчас отчаянно пыталась отстраниться. Каждый раз, стоило только представить, что на экране может высветиться *его* номер, по спине пробегал холодок.

Комната была тихой — слишком тихой. Лишь изредка доносились приглушённые голоса медперсонала из коридора да мерное тиканье часов над дверью. Я повернулась на бок, потом на другой, поправила подушку, но мысли всё равно крутились вокруг одного и того же: слов Зейда, его взгляда, полного беспокойства, и той хрупкой надежды, что он невольно во мне зародил.

Глядя в потолок, я пыталась сосредоточиться на ровном дыхании, считать про себя, вспоминать какиеето спокойные моменты из детства — всё, что могло бы отвлечь от тяжёлых раздумий. В голове всплывали образы: летний дождь за окном, запах свежескошенной травы, смех подруги, с которой мы когдато мечтали о будущем Такие далёкие, почти нереальные теперь.

Постепенно мысли стали путаться, образы расплываться. Напряжение, сковывавшее тело весь день, понемногу отпускало. Дыхание выровнялось, веки отяжелели.

Я кое-как уснула — неглубоко, тревожно, с ощущением, будто балансирую на краю. Сквозь сон до меня доносились далёкие звуки больницы: шаги за дверью, скрип тележки, чейто шёпот. Но я уже не цеплялась за них. Где-то на границе сознания теплилась мысль: *Может, всё действительно изменится? Может, я смогу...*

Сон накрыл меня, как мягкое одеяло, унося прочь от страхов, хотя бы на время.

На утро я проснулась от голоса Брэка. Он стоял у окна и говорил по телефону — голос звучал резко, отрывисто, с той самой интонацией, от которой у меня всегда мороз пробегал по коже.

— Да, я в больнице... Нет, ничего серьёзного, просто переутомление... Да, держат для наблюдения... — он сделал паузу, затем добавил с нажимом: — Нет, никаких подробностей. Никаких комментариев.

Я лежала, не шевелясь, плотно закрыв глаза. Внутри всё сжалось. Ему не было дела до меня — это читалось в каждом слове, в каждом движении. Он говорил не *со мной*, а *о* мне, будто я была вещью, деталью ситуации, которую нужно аккуратно упаковать и спрятать подальше от чужих глаз.

«Лучше бы его здесь не было», — пронеслось в голове.

Брэк отошёл к двери, продолжая разговор. Я слышала, как он понизил голос, как в нём зазвучали стальные нотки — так он говорил, когда планировал что-то недоброе.

Если ему скажут о настоящей причине моего состояния

От этой мысли внутри всё похолодело. Будет хуже — намного хуже. Он найдёт способ заставить меня замолчать, заставит поверить, что во всём виновата я сама. Запугает, убедит, что никому нельзя доверять. И я снова буду одна — в этой тишине, в этом страхе.

Не желая с ним говорить, я притворилась спящей. Дышала ровно, глубоко, стараясь не выдать себя ни единым движением. Веки казались свинцовыми, но я держала их сомкнутыми, прислушиваясь к каждому звуку.

Шаги — он вернулся к окну. Снова голос:

— Да, всё под контролем... Никаких утечек... Я сам разберусь.

Тишина. Затем звук убираемого в карман телефона. Шаги приблизились к кровати. Я затаила дыхание.

Он постоял рядом — я чувствовала его взгляд, тяжёлый, оценивающий. Потом наклонился — дыхание коснулось моего лба.

— Спишь? — прошептал он почти ласково. Слишком ласково.

Моё сердце забилося чаще, но я не дрогнула. Ни один мускул не шевельнулся.

Ещё мгновение — и шаги удалились. Хлопнула дверь.

Только тогда я позволила себе выдохнуть. Дрожь пробила тело, и я подтянула одеяло повыше, словно оно могло защитить меня. В груди kloкотала смесь страха и отчаяния, но где-то глубоко, под всеми этими чувствами, теплилась искра

— та самая, что зажглась вчера после разговора с Зейдом.

«Я не одна», — повторила я про себя, как мантру. — «Я не одна. И, может быть может быть, я смогу это изменить».

За приоткрытой дверью слышались голоса доктора Темпелмана и Брэка. Я замерла, стараясь дышать как можно тише, и прислушалась.

— Доктор, я хочу знать всё без прикрас, — голос Брэка звучал жёстко, почти угрожающе. — Что на самом деле с моей женой? Не нужно общих фраз — я хочу чёткой картины.

— Мистер Брэк, состояние вашей жены стабильное, — спокойно ответил доктор Темпелман. — У неё классическое переутомление на фоне хронического стресса. Посмотрите сами, — в голосе врача слышался шелест бумаг. — Вот результаты последних тестов: давление слегка повышено, пульс учащён, но ничего критичного. Общий анализ крови в пределах нормы, никаких воспалительных процессов.

Брэк помолчал, видимо, изучал документы.

— И что вы предлагаете? — спросил он уже чуть мягче.

— Полный покой на несколько дней, сбалансированное питание, лёгкий седативный препарат для нормализации сна. И, разумеется, минимизация стрессовых факторов. В идеале — временный отпуск, смена обстановки. Это поможет восстановить ресурсы организма.

— Понятно, — Брэк явно расслабился. — То есть ничего серьёзного? Просто нервы сдали?

— Именно так, — подтвердил доктор. — Организм про-

сто требует отдыха. Ничего, что не исправилось бы хорошим сном и правильным режимом. Я уже назначил соответствующее лечение и буду внимательно следить за динамикой.

— Хорошо, — в голосе Брэка снова зазвучали властные нотки. — Держите меня в курсе любых изменений. Я вернусь позже, проверю, как она себя чувствует.

— Разумеется, — вежливо отозвался доктор. — Мы сообщим вам, если что-то изменится. Но, повторюсь, поводов для беспокойства нет. Сейчас главное — дать пациентке возможность восстановиться.

Шаги начали удаляться.

— Всего доброго, доктор, — бросил Брэк на прощание.

— До свидания, мистер Брэк. Берегите себя, — учтиво ответил Темпелман.

Дверь в коридор закрылась, и я наконец выдохнула. Дрожь, сковывавшая тело, понемногу отступала. Значит, доктор не выдал правды. Он сыграл свою роль безупречно — так, будто и в самом деле верил в эту историю с переутомлением.

Я подтянула одеяло повыше, чувствуя, как внутри разгорается крошечный огонёк благодарности. Возможно, не все вокруг — враги. Возможно, есть те, кто готов помочь, даже рискуя чем-то.

«Я не одна», — снова мысленно повторила я. И впервые за долгое время эта мысль не показалась мне опасной иллюзией. Доктор заглянул в дверь, бросил короткий взгляд в мою

сторону и тихо, но уверенно произнёс: — Всё под контролем, Анна. Отдыхайте.

Он слегка кивнул и удалился, аккуратно притворив за собой дверь. Я выдохнула, чувствуя, как напряжение чуть отпускает.

Спустя некоторое время дверь резко отворилась — я вздрогнула и испуганно приподнялась на локтях. В палату с молниеносной скоростью вбежала Мия-Ария, моя малышка. Её глаза сияли, щёки покраснелись от бега, а светлые волосы разметались по плечам.

— Мама! — она бросилась ко мне, и я инстинктивно раскрыла объятия.

Мия-Ария вскарабкалась на кровать, прижалась всем телом, уткнулась носом в моё плечо. Я обняла её так крепко, как только могла, вдыхая родной запах детских волос — сладковатый, с лёгким оттенком шампуня с ромашкой. Все тревоги и страхи в одно мгновение улетучились, будто их и не было.

Вслед за Мией в палату вошёл папа — мистер Кайдон. Высокий, седовласый, с пронзительным взглядом, он замер на пороге, окинув взглядом комнату. Его лицо, обычно строгое и сдержанное, на мгновение смягчилось, когда он увидел нас с Мией.

— Анна, — его голос прозвучал глубже и теплее, чем обычно. — Рад видеть тебя хотя бы немного в порядке.

Я слегка улыбнулась ему:

— Спасибо, папа. Всё не так плохо, как кажется.

Папа подошёл ближе, осторожно положил руку на моё плечо. В этом жесте было больше тепла и поддержки, чем в десятке слов.

— Ты всегда была сильной, — тихо сказал он. — И сейчас справишься. Если чтото нужно — только скажи. Я на твоей стороне.

К глазам подступили слёзы. Его слова, сама его близость — всё это давало ощущение опоры, которого мне так не хватало.

Мия подняла голову, посмотрела на дедушку:

— Дедушка, мама скоро вернётся домой? Мы будем вместе гулять, да?

Папа улыбнулся и наклонился, чтобы погладить её по голове:

— Конечно, милая. И мы все вместе пойдём в парк — ты, мама и я. Как раньше.

Девочка радостно заулыбалась и снова прижалась ко мне.

— Правда? — её глаза заблестели от счастья. — И мы покормим уток? И покатаемся на качелях?

— Всё, что захочешь, — заверил её папа, и его улыбка стала ещё теплее. — Обещаю.

Мия повернулась ко мне:

— Мама, слышишь? Дедушка обещал!

— Слышу, солнышко, — я погладила её по спине. — И я тоже обещаю, что мы скоро будем гулять вместе.

Папа придвинул стул к кровати и сел рядом:

— Отдыхай, дочка, — сказал он мне. — Не торопись.

Главное — восстановиться. А всё остальное мы уладим.

Мия устроилась между нами, положила голову мне на плечо. Мы сидели так несколько минут — в тишине, но такой тёплой и живой, что она словно исцеляла изнутри.

Дверь чуть приоткрылась — заглянула медсестра, улыбнулась при виде нашей троицы и так же бесшумно скрылась.

Папа поднялся:

— Нам пора, Мия. Маме нужно отдохнуть. Но мы обязательно вернёмся завтра.

— Хорошо, — девочка вздохнула, но без обиды. — Мама, я буду скучать!

— И я, милая, — я поцеловала её в макушку. — Спасибо, что пришла.

Они направились к двери. У самого выхода папа обернулся:

— Помни, Анна: ты не одна. Мы рядом.

Я кивнула, чувствуя, как внутри крепнет решимость. Впервые за долгое время я действительно в это поверила. Тепло от их присутствия ещё долго оставалось со мной, даже когда дверь за ними закрылась. Я закрыла глаза, и на губах сама собой появилась улыбка — слабая, но настоящая.

Речь о маме не зашла — значит, папа ещё не рассказал ей о том, что я в больнице. Не хочу и её пугать. Да ещё она всех на уши поставит: обзвонит родственников, поднимет на но-

ги друзей, устроит целое расследование Лишняя огласка мне точно не нужна. От одной мысли об этом внутри всё сжималось. Я представила, как мама врывается сюда с тревожным взглядом, начинает расспрашивать врачей, требовать объяснений... Нет, пока лучше оставить всё как есть.

Стук в дверь привёл меня в реальность. Я выпрямилась на кровати, поправила одеяло и тихо произнесла:

— Войдите.

В палату вошёл доктор Темпелман. Он закрыл за собой дверь и подошёл к моей кровати с привычной доброжелательной улыбкой, но в глазах читалась настороженность — будто он пытался оценить моё состояние с первого взгляда.

— Как вы себя чувствуете, Анна? — спросил он, останавливаясь у изголовья.

Я пожала плечами:

— Лучше. Гораздо лучше, чем вчера. Спасибо вам... за всё.

Доктор слегка наклонил голову, изучающе посмотрел на меня:

— Вижу, визит дочери пошёл на пользу. Это очень важно — чувствовать поддержку близких.

Я невольно улыбнулась, вспоминая тёплые объятия Мии-Арии:

— Да, она... она чудо. Её присутствие словно стирает все тревоги.

Доктор кивнул, достал блокнот и ручку:

— Это хорошо. Эмоциональное состояние не менее важно, чем физическое. Расскажите подробнее: как спалось? Были ли тревожные мысли? Что ощущаете сейчас?

Я на мгновение задумалась. Говорить правду или смягчить? Но что-то в спокойном взгляде доктора подсказало: лучше быть честной.

— Спала неглубоко, — призналась я. — Всё время казалось, что вот-вот что-то случится. Но после того, как пришли папа и Мия, стало легче. Сейчас... сейчас я чувствую надежду. Впервые за долгое время.

Доктор записал что-то в блокнот, затем поднял на меня глаза:

— Это отличный знак, Анна. Надежда — мощный ресурс. И поддержка семьи — тоже. Я рад, что у вас есть те, кто рядом.

Он сделал паузу, словно подбирая слова:

— Я понимаю, что вы не хотите лишней огласки. Можете рассчитывать на мою сдержанность. Ваша конфиденциальность — мой приоритет.

Моё сердце дрогнуло. Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но сдержала их.

— Спасибо, доктор, — прошептала я. — Это... очень много для меня значит.

Доктор мягко улыбнулся:

— Отдыхайте. Через пару часов зайду снова. Если что-то понадобится раньше — не стесняйтесь нажать кнопку вызова.

ва. Договорились?

— Договорились, — я кивнула, и впервые за много дней ощутила нечто похожее на облегчение.

Он ещё раз ободряюще кивнул и направился к двери. Когда ручка повернулась, я не выдержала:

— Доктор...

Он обернулся.

— Спасибо, что не сказали Брэку правду, — выпалила я почти шёпотом.

Доктор на мгновение замер, затем спокойно ответил:

— Моя задача — помогать пациентам. А помощь бывает разной. Поправляйтесь, Анна.

Дверь закрылась за ним, а я откинулась на подушку. В груди разливалась непривычная лёгкость. Может быть, я действительно смогу это сделать. Смогу защитить себя и свою дочь. Шаг за шагом.

Мысли направились к Зейду. Да, мы с ним ладили и даже сдружились — пусть и не по классическим канонам дружбы, а както поособенному: через шутки в неловких ситуациях, короткие кивки понимания без слов, случайные встречи в коридоре, которые почемуто всегда заканчивались разговором дольше, чем планировалось.

Но почему он так паниковал? Он не хотел этого мне показывать — старался держаться ровно, говорил спокойно, почти буднично. Но ято видела. Его глаза — в них мелькнуло чтото слишком яркое, слишком живое, чтобы это было про-

сто дежурным беспокойством. Беспрестанно дёргались брови, чуть подрагивали уголки губ, будто он боролся с собой: сказать больше или промолчать, подойти ближе или остаться на расстоянии.

Я невольно поднесла руку к груди, словно пытаюсь уловить отголосок того тепла, что исходило от него в тот момент. Переживал ли он за меня? Понастоящему, искренне? Не как коллега, не как знакомый, а как человек, которому не всё равно?

Эта мысль заставила сердце сжаться — то ли от тревоги, то ли от непривычного, почти забытого чувства благодарности. В последнее время я так привыкла к холоду, к расчёту, к словам, за которыми скрывались совсем иные намерения, что искренняя забота казалась чемто почти нереальным.

«Почему именно он?» — пронеслось в голове.

Почему не кто-то из тех, кто должен был быть рядом по умолчанию? Почему не Брэк, который носит звание моего мужа? Почему не те, кто годами кивал мне с улыбкой, но отворачивался, стоило мне оступиться?

А Зейд... Он просто был. И переживал. И не скрывал этого до конца — как ни пытался.

Я закрыла глаза, вспоминая его взгляд. В нём не было жалости — только тревога и какая-то твёрдая решимость. Будто он уже принял для себя какое-то решение: «Я буду рядом. Что бы ни случилось».

И от этой мысли внутри что-то оттаивало. Медленно, осто-

рожно, как первый росток под весенним солнцем.

Может, я всё ещё слишком уязвима, чтобы доверять таким ощущениям. Может, я просто хватаюсь за любую ниточку тепла в этом ледяном мире. Но сейчас, лёжа в этой тихой палате, я позволила себе поверить: есть люди, которые могут стать опорой. И, кажется, Зейд — один из них.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как напряжение, сковывавшее плечи, понемногу отпускает. Впервые за долгое время в голове не было страха. Только тихая, осторожная надежда — тонкая, хрупкая, но живая.

Так хотелось отвлечься, что я бы с огромной охотой слушала бы словесные перепалки Уилла и Лима — их вечные подколы, споры о том, кто лучше готовит кофе, и дискуссии о самых нелепых теориях вселенной. Стоило только представить, как Уилл в своей обычной манере закатывает глаза, а Лим с серьёзным видом выдвигает очередную абсурдную гипотезу, — и на губах сама собой появлялась улыбка.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и в палату вошла медсестра — молодая женщина с доброжелательной улыбкой и аккуратно собранными в пучок волосами. В руках у неё был мой смартфон, который настойчиво вибрировал и мигал экраном.

— Анна, вам звонок, — мягко сказала она, протягивая телефон. — Вы будете отвечать?

Моё сердце на мгновение замерло. Внутри всё сжалось: а вдруг это Брэк? Что, если он узнал что-то лишнее? Что ска-

жет? Что потребует?

— Я... не уверена, — я нервно сглотнула, глядя на экран.
— Кто это?

Медсестра взглянула на дисплей и улыбнулась чуть шире:
— Номер с пометкой «Уилл-шут». Похоже, кто-то решил вас подбодрить.

Я выдохнула с облегчением и кивнула:
— Да, я отвечу. Спасибо.

Приняла телефон, и какова была моя радость, когда я увидела знакомое контактное имя! «Уилл-шут» — только он мог так себя назвать. Я сразу заулыбалась и нажала на кнопку видеовызова.

На экране тут же появились лица Уилла и Лима. Они сидели где-то в кафе: на столе перед ними дымились кружки, а на заднем плане виднелись полки с книгами.

— Ну наконецто! Мы уже думали, ты решила устроить марафон сна на неделю. Как ты, спящая красавица?

— Почти. Но, кажется, вы меня разбудили раньше.

— Разбудили? Мы тебя спасли от скуки! Без нас ты бы уже начала считать трещины на потолке.

— И составила бы их каталог. Анна-Стейси Дженнер — исследователь трещин больничных потолков. Звучит как тема диссертации.

— А вы бы стали моими научными руководителями?

— Конечно. Я бы отвечал за теоретическую часть: «Классификация трещин по степени унылости».

— А я — за практическую: «Как превратить трещину в произведение искусства с помощью скотча и фантазии».

— Звучит многообещающе. Но пока я не готова к такому уровню творчества.

— Значит, будем тренировать воображение. Анна, представь: ты в тропическом лесу, вокруг бабочки, пахнет орхидеями

— ...а рядом бегают Лим в костюме бабочки и пытается поймать одну из них сачком.

— Это была медитативная визуализация, Уилл! А ты всё испортил.

— Но стало веселее. Спасибо вам. Честно, я так рада вас видеть.

— Мы тоже рады, Анна. И хотим, чтобы ты знала: мы рядом. Даже если не физически. И даже если Лим решит провести эксперимент по превращению больничной палаты в тропический рай.

— Эксперимент уже в разработке. Завтра пришлю план: орхидеи, бабочки, сачок и, возможно, небольшой фонтан.

— Только без фонтанов, пожалуйста. А то медсестра меня выгонит.

— Ладно, без фонтанов. Но обещаем ещё много видеозвонков. И словесных перепалок, разумеется.

— Исключительно высокого качества!

Мы ещё немного поболтали, смеялись, строили нелепые планы на будущее — и с каждой минутой мне становилось

легче. Тревога отступала, а на её место приходило ощущение тепла и поддержки.

Когда разговор подошёл к концу, я отключила звонок и откинулась на подушку. В груди разливалась непривычная лёгкость. Может, всё и не так безнадёжно, если рядом есть такие люди?

Ох уж эти парни — они дополняют друг друга великолепно. Уилл с его острым, чуть саркастичным юмором, который всегда разряжает обстановку, и Лим с его нарочитой серьёзностью и абсурдными идеями, которые почемуто кажутся ещё смешнее именно изза этого контраста.

Я смотрела на погасший экран телефона и невольно улыбалась, вспоминая их лица, интонации, жесты. Как Уилл закатывал глаза на очередную «научную теорию» Лима, а тот, не замечая иронии, с важным видом развивал свою мысль. Как они перебрасывались фразами, будто играли в теннис — быстро, ловко, без пауз. И как оба, несмотря на всю эту шутовскую игру, смотрели на меня с неподдельной заботой.

«И что бы я без них делала?» — подумала я, и в груди разливалась тёплая волна благодарности.

В последнее время я так привыкла быть одна в своих проблемах, прятать тревогу за вежливой улыбкой, делать вид, что всё под контролем. А они просто взяли и ворвались в эту тишину своими звонками, шутками, нелепыми планами. Не спрашивали разрешения — просто пришли и сказали: «Мы здесь. Ты не одна».

Я откинулась на подушку, закрыла глаза и снова прокрутила в голове наш разговор. Их голоса звучали так живо, будто они всё ещё были рядом. И впервые за долгое время я почувствовала не просто поддержку — а настоящую, искреннюю дружбу. Без условий, без скрытых мотивов, без ожидания чего-то взамен.

Вспомнилось, как пару месяцев назад, когда всё только начало рушиться, я случайно встретила Уилла в коридоре офиса. Он тогда не стал задавать вопросов, не начал утешать банальными фразами. Просто предложил: «Пойдём выпьем кофе. И не тот бурду из автомата, а нормальный — я знаю одно место». И мы ушли, оставив позади все эти напряжённые взгляды и перешёптывания. А потом Лим присоединился к нам, начал рассказывать какую-то историю про эксперимент с выращиванием кактуса в банке изпод газировки — и я вдруг поймала себя на том, что смеюсь. По-настоящему.

Теперь я понимала: это не просто случайные встречи и весёлые разговоры. Это опора. Они стали той тихой гаванью, куда можно причалить, когда штормит. Где не будут осуждать, не станут давить, а просто примут такой, какая я есть — уставшей, напуганной, потерянной, но всё ещё живой.

Я глубоко вздохнула, ощущая, как напряжение, годами копившееся внутри, понемногу отпускает. В голове сами собой складывались слова — не вслух, а где-то глубоко внутри, как клятва:

«Спасибо вам. За то, что вы есть. За то, что не дали мне

утонуть в этом одиночестве. За то, что научили снова улыбаться — даже тогда, когда казалось, что уже не получится».

За окном шелестели листья, в коридоре слышались приглушённые шаги медперсонала, а я лежала и чувствовала, как во мне крепнет новая решимость. Я больше не буду прятаться. Я буду бороться — за себя, за Мию, за своё право на спокойную жизнь. И теперь я знаю: если станет тяжело, я смогу поднять трубку и набрать номер с пометкой «Уиллшут». Потому что они — моя команда. Мои друзья. И с ними я справлюсь.

От мыслей меня отрывает человек, появившийся в дверном проёме, — Зейд. Он смотрелт на меня, в руках у него был букет полевых цветов — не пафосных роз, а простых, нежных, с тонкими стеблями и яркими лепестками, — и пакет, видимо, с фруктами.

Я замерла на мгновение, застигнутая врасплох этим неожиданным, но таким тёплым зрелищем. В груди что-то дрогнуло, расправилось, словно сжатая пружина, и на смену привычному напряжению пришло яркое чувство радости — настолько сильное, что описать его было почти невозможно.

Моя широкая и искренняя улыбка, наверное, сказала ему больше, чем любые слова: он желанный гость, его присутствие здесь — как глоток свежего воздуха. Зейд улыбнулся в ответ, и в этой улыбке было что-то такое... настоящее, без масок и ролей.

Он прошёл ко мне, поставил цветы в вазу — те сразу на-

полнили палату лёгким, едва уловимым ароматом лета, — а пакет аккуратно положил рядом. Затем подошёл ближе, слегка наклонился и поцеловал меня в лоб, одновременно приобнимая за плечо.

Как тепло. Как приятно. Неожиданно.

В этом жесте не было ни намёка на что-то большее — только забота, простая и чистая, от которой на глаза чуть не навернулись слёзы. Я вдруг осознала, как давно никто не прикасался ко мне вот так — не с требованием, не с упреком, а просто чтобы поддержать, показать: «Я рядом».

Зейд отстранился, но не отошёл, а остался стоять рядом, внимательно осматривая моё лицо, будто сверяясь с какой-то внутренней картой моего состояния.

— Хорошо выглядишь, — сказал он тихо. — Я рад.

— Спасибо, — ответила я, стараясь унять дрожь в голосе.

— Положительные эмоции? — переспросил он, чуть склонив голову.

— Да, — я невольно улыбнулась шире. — Наши «клоунчики» звонили только что, подняли настроение как следует. Уилл и Лим устроили целый спектакль по видеосвязи.

— О, это в их духе, — Зейд усмехнулся, и его глаза на мгновение засветились теплом. — Готов поспорить, Лим выдвигал какую-то безумную теорию, а Уилл изо всех сил пытался её высмеять, но всё равно слушал с интересом.

Я рассмеялась:

— В точку. Лим всерьёз предлагал превратить мою палату

в тропический рай с орхидеями и бабочками, а Уилл тут же начал обсуждать, как замаскировать сачок для бабочек под элемент декора.

— Классика, — Зейд покачал головой, но улыбка не сходила с его лица. — Они знают, как тебя развеселить.

На мгновение повисла пауза — не неловкая, а уютная, наполненная тем особым пониманием, которое возникает между людьми, когда слова уже не нужны.

— Знаешь, — тихо сказала я, глядя ему в глаза, — спасибо. Не только за цветы и фрукты. За то, что ты... просто есть. Что не боишься прийти, не ждёшь от меня чего-то, а просто... поддерживаешь.

Зейд на секунду замер, потом мягко сжал моё плечо:

— Анна, ты заслуживаешь того, чтобы рядом были люди, которым не всё равно. И я рад быть одним из них.

Его слова прозвучали так просто и в то же время так весомо, что внутри что-то окончательно отпустило. Впервые за долгое время я почувствовала не просто поддержку — а настоящую человеческую связь. Ту, что даёт силы вставать по утрам, улыбаться вопреки всему и верить, что впереди может быть что-то хорошее.

— Я... — я запнулась, пытаюсь подобрать слова, но в итоге просто сказала: — Я очень ценю это. Правда.

Зейд кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое. Он сел на стул рядом с кроватью, и мы ещё долго говорили — ни о чём и обо всём сразу: о пустяках, о

детстве, о том, как пахнут первые весенние цветы, о том, что даже в самой тёмной ночи есть место для звёзд.

И с каждым словом, с каждой улыбкой я чувствовала, как во мне крепнет новая сила. Сила не одиночества, а связи. Сила не страха, а надежды.

Но тут взгляд Зейда стал суровым. Он помолчал, словно взвешивая каждое слово, провёл рукой по волосам — жест, выдававший его беспокойство, — и, немного поразмыслив, сказал:

— Анна, это переутомление — физическое и эмоциональное. Может, тебе нужна помощь какого-то психолога или психотерапевта? Мы найдём знающего толк в этом деле. Ты только скажи.

Я резко ответила ему отказом, стараясь говорить уверенно, почти небрежно:

— Нет, Зейд, не нужно. Правда, всё в порядке. Просто немного устала, вот и всё.

По мне пробежалась дрожь — едва заметная, но предательская. Я была в ужасе от того, что Зейд может узнать хоть долю правды. Этого я не хотела ни в коем случае. Он не должен знать. Это лишнее. Слишком личное. Слишком опасное.

В голове вихрем пронеслись мысли: «А если он начнёт задавать вопросы? А если догадается, что дело не в усталости? Что тогда? Он перестанет видеть во мне сильную женщину — увидит лишь сломанную, испуганную, неспособную справиться с собственной жизнью».

— Ты уверена? — Зейд не сводил с меня внимательного взгляда, и в его глазах читалось не просто беспокойство — там была насторожённость. Он что-то подозревал. Или догадывался больше, чем показывал.

— Абсолютно, — я заставила себя улыбнуться, хотя губы чуть дрожали. — Просто нужно отдохнуть, выспаться. И всё наладится.

Зейд медленно кивнул, но я видела — он не до конца поверил. Его пальцы слегка постукивали по спинке стула, выдавая внутреннюю борьбу: настаивать или дать мне пространство.

— Знаешь, — тихо сказал он, — иногда признать, что тебе нужна помощь, — это не слабость. Это смелость.

Его слова ударили в самое сердце. Я сглотнула, стараясь удержать эмоции под контролем.

— Я понимаю, что ты хочешь как лучше, — мой голос чуть дрогнул, но я тут же взяла себя в руки.

— Но сейчас мне не нужен психолог. Мне нужны... друзья. Твоя поддержка и присутствие — вот что действительно помогает.

Зейд помолчал, потом слегка вздохнул и мягко произнёс:

— Прости. Кажется, я перегнул палку. Не хотел давить. Просто... переживаю за тебя.

Он выпрямился, слегка провёл рукой по затылку, будто сбрасывая напряжение.

— У меня сейчас срочный звонок по работе, нужно отой-

ти. Но я вернусь позже, хорошо? Если что-то понадобится — сразу звони. Без раздумий.

— Хорошо, — я кивнула, чувствуя, как внутри смешиваются стыд и благодарность. Стыд — за то, что скрываю правду. Благодарность — за то, что он готов принять мой отказ и всё равно остаться рядом.

— Спасибо, Зейд.

— Не за что, — он улыбнулся чуть виновато, собрал какието бумаги со стола, бросил последний взгляд на меня — внимательный, заботливый, но уже без прежней настойчивости. — Отдыхай. Я скоро.

Он вышел, аккуратно притворив за собой дверь. Я откинулась на подушку, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Тишина палаты снова окутала меня, но теперь она не казалась такой одинокой.

Может, он и не знал всей правды. Но его забота, его готовность отступить, когда я сказала «нет», — это уже было знаком настоящего уважения и поддержки. И в этом было что-то гораздо более ценное, чем любые советы или диагнозы.

Я решила подняться и прогуляться по коридорам — развеяться, изучить «трещины на потолках», — забавляясь, вспоминала разговор с парнями. Улыбка всё ещё играла на губах: перед глазами стояли лица Уилла и Лима, их шуточные перепалки, нарочитая серьёзность Лима и ироничные комментарии Уилла.

Выйдя в коридор, я огляделась по сторонам. Простран-

ство оказалось неожиданно просторным — широкие проходы, высокие потолки, много воздуха. Больница в Альберте, судя по всему, недавно прошла реконструкцию: всё выглядело современно, но без холодной стерильности.

Стены выкрашены в мягкий сероголубой оттенок — не больничный белый, а успокаивающий, почти морской. Вдоль них шли широкие панели из светлого дерева, придававшие помещению тёплый, почти домашний вид. На стенах висели картины: пейзажи Канадских Скалистых гор, виды озера Луиза, заснеженные вершины в лучах рассвета. Каждая работа была подписана — видимо, местные художники дарили больнице свои полотна.

Пол выложен крупной плиткой цвета светлого песчаника, с едва заметным узором, имитирующим естественные разводы камня. Она не блестела, как пластик, а мягко рассеивала свет, создавая ощущение уюта.

Освещение здесь было продуманным: вдоль потолка шли длинные матовые светильники, дающие ровный, нерезкий свет, а в нишах у стен стояли торшеры с кремовыми абажурами — вечером они наверняка создавали мягкое, приглушённое освещение.

Воздух пахнул смесью привычных больничных запахов — антисептиков, свежего белья — но сквозь них пробивался и другой аромат: где-то недалеко, видимо в зоне отдыха, варили кофе. Лёгкий, чуть горьковатый запах обволакивал и успокаивал.

Коридор тянулся вперёд, разветвляясь на несколько ответвлений. Вдоль него стояли удобные кресла и небольшие столики с журналами, а у окон — длинные скамьи с подушками. За стёклами открывался вид на парк: клёны с молодой листвой, аккуратные дорожки, несколько скамеек под деревьями.

Я повернула направо, к большому зеркалу во всю стену. Оно было обрамлено тонкой деревянной рамой, почти незаметной, и отражало не только меня, но и часть коридора — картину с горным пейзажем, кашпо с пышным папоротником, проходящую мимо медсестру в бирюзовых брюках и светлой блузке.

Остановившись перед зеркалом, я всмотрелась в своё отражение. Лицо всё ещё выглядело уставшим, под глазами залегли тени, но в глазах появилось что-то новое — не отчаяние, а проблеск надежды. Лёгкая улыбка всё ещё держалась на губах, словно эхо разговора с Уиллом и Лимом.

Я поправила халат, провела рукой по волосам и глубоко вздохнула. Впервые за долгое время я не чувствовала себя запертой. Просторная больница, свежий воздух за окнами, заботливо подобранные детали интерьера — всё это создавало ощущение не заключения, а временного убежища. Места, где можно набраться сил.

Медсестра, которую я заметила в отражении, улыбнулась мне и кивнула. Я ответила тем же и медленно пошла дальше по коридору, наслаждаясь ощущением движения, тишиной

и покоем этого места.

Позади я услышала знакомые голоса — может, мне показалось? С огромной надеждой и улыбкой я обернулась — и не ошиблась: это были они, наши офисные шуты.

Уилл держал в руках стопку книг, а Лим — бумажный стаканчик с кофе и пакет с чемто, от чего аппетитно пахло выпечкой.

— Ну наконецто! — воскликнул Уилл, широко улыбаясь. — Мы обошли все этажи, пока нашли твою палату. Лим утверждал, что ты в отделении травматологии.

— Потому что там веселее, — невозмутимо парировал Лим. — Больше экшена, меньше скуки. Но я быстро понял, что без тебя и там тоска.

Я рассмеялась и шагнула к ним:

— Вы просто волшебники. Как вы вообще меня нашли?

— Элементарно, — Уилл торжественно протянул мне книги. — Мы применили дедуктивный метод: спросили у первой же медсестры, где лежит самая упрямая пациентка с ангельской улыбкой.

Лим протянул кофе и пакет:

— Вот, горячий кофе и круассаны с шоколадом. Потому что книги — это хорошо, но без топлива мозг отказывается воспринимать романтическую драму.

Я взглянула на обложки: «Дневник памяти», «Дорогой Джон», «Последняя песня» Николаса Спаркса.

— О, вы решили меня добить слезами? — я рассмеялась.

— Это что, план по превращению палаты в филиал кинотеатра?

— Именно, — Уилл подмигнул. — Этап первый: книги. Этап второй: фильмы. Этап третий: мы устраиваем марафон Спаркса с попкорном и пледом. И ты не имеешь права отказаться.

— Но с одним условием, — Лим поднял палец, принимая серьёзный вид. — Ты должна пообещать, что будешь плакать только в меру. Не больше двух слёз за главу. Мы не хотим, чтобы палата превратилась в бассейн.

— И если вдруг станет слишком грустно, — подхватил Уилл, — просто звони нам. Мы примчимся с пиццей и комедией про говорящих белок. Гарантированно лечит любую драму.

— Говорящих белок? — я не смогла сдержать смех. — Это какойто новый вид психотерапии?

— Самый эффективный, — кивнул Лим. — Научно доказано: три минуты видео с белками, жмущимися в объятиях, повышают уровень эндорфинов на 200%.

— А если не поможет, — добавил Уилл, — у нас есть план Б: видео с котами, падающими в коробки. Беспроигрышный вариант.

Я покачала головой, всё ещё смеясь:

— Вы невозможные. Но спасибо. Правда, спасибо. Эти книги и вы это именно то, что мне сейчас нужно.

— Мы знаем, — Лим слегка толкнул Уилла локтем. —

Потому что мы не просто друзья. Мы — официальная служба спасения от скуки и грусти.

— С круглосуточным режимом работы, — подтвердил Уилл. — И без выходных.

— Даже в праздники? — уточнила я с улыбкой.

— Особенно в праздники, — хором ответили они, и мы все трое рассмеялись.

Я прижала книги к груди, чувствуя, как внутри разливается тепло. Не от кофе и не от круассанов — от их присутствия, их шуток, их готовности быть рядом.

— Ладно, — я сделала вид, что строго смотрю на них. — Раз уж вы так настаиваете на марафоне Спаркса, то будете читать вслух по очереди. И без ваших комментариев во время самых трогательных сцен!

— Проклятие! — театрально вздохнул Уилл. — План по саботажу романтической атмосферы провалился.

— Придётся терпеть, — вздохнул Лим. — Ради дружбы мы готовы на жертвы. Даже на чтение Спаркса без иронии. Почти.

Мы снова рассмеялись, и на мгновение мир стал светлее, а тревога — чуть дальше, за пределами этой минуты, полной смеха, тепла и настоящей дружбы.

Мы оживлённо болтали по пути в мою палату — шутили, перебивали друг друга, смеялись над каким-то пустяками, которые в обычной ситуации не показались бы смешными. Но сейчас всё звучало иначе: легко, свободно, по-настоящему.

му.

Дошли до палаты, и парни тут же принялись расставлять принесённые угощения на тумбочке, а Уилл торжественно водрузил стопку книг в центр импровизированного стола.

— Ну что, — он хлопнул в ладоши, — время начинать марафон Спаркса!

— Да, Анна, — подхватил Лим, устраиваясь в кресле у кровати, — читай нам начало «Дневника памяти». Прямо сейчас. Немедленно. Это приказ.

Я рассмеялась:

— Приказ? С каких пор вы оба стали моими начальниками?

— С тех пор, как принесли тебе книги и кофе, — невозмутимо ответил Уилл. — Это даёт нам право требовать исполнения культурных обязательств.

— И потом, — Лим поднял палец, — мы проделали такой путь, обошли все этажи, нашли тебя. Мы заслужили награду.

— Награду? — я приподняла бровь. — А если я скажу, что хочу сначала выпить кофе и съесть круассан?

— Тогда мы будем сидеть тут и смотреть на тебя с укоризной, — заявил Уилл, картинно сложив руки на груди. — И молчать. Что гораздо страшнее.

— Угрожаете? — я улыбнулась.

— Демонстрируем последствия, — поправил Лим. — Молчание Уилла — это стихийное бедствие. Лучше не испытывай судьбу.

— Ладно, — я покачала головой, всё ещё улыбаясь, — уговорили. Но только начало. Потом я хочу прочитать сама, без свидетелей.

— Договорились, — хором ответили они.

Я открыла «Дневник памяти» и, сделав глубокий вдох, начала читать:

> «Кто я такой? И чем, хотелось бы знать, закончится моя история? >

> Солнце только что взошло, а я уже сижу у окна, и дыхание моей уходящей жизни туманит стекло. Ну и видок у меня, наверное: две рубахи, тёплые штаны, шея замотана шарфом, концы которого заправлены в тёплый свитер — тридцать лет назад его связала мне одна из дочерей. Термостат в комнате жарит на полную, и, однако, в ногах у меня стоит ещё один маленький обогреватель. Он пощёлкивает, рычит и плюётся горячим воздухом, словно миниатюрный сказочный дракон, а мне всё равно холодно...»

Голос звучал тихо, но уверенно. Я читала, а парни слушали, не перебивая. Уилл откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и смотрел кудато в сторону окна, будто видел там что-то своё. Лим же, напротив, не отрывал взгляда от меня, слегка склонив голову набок, — в его глазах читалось что-то тёплое, почти трогательное.

Закончив абзац, я подняла глаза:

— Ну как?

— Прекрасно, — тихо сказал Лим. — Звучит поособен-

ному. Как будто это не просто слова, а что-то живое.

— Я уже готов заплакать, — драматично прошептал Уилл, прижимая руку к груди, — но сдерживаюсь ради имиджа.

Мы снова рассмеялись, и я почувствовала, как внутри разливается тепло. Не от книг, не от кофе — от их присутствия. От того, что они здесь. Со мной.

Нашу весёлую идиллию прервал неожиданный звонок. Мелодия резанула слух — слишком резкая, слишком знакомая. Я вздрогнула и машинально потянулась к телефону. На экране высвечивалось контактное имя «Брэк».

Всё хорошее, что сегодня было, потеряло смысл, исчезло напрочь. Улыбка, ещё секунду назад тёплая и живая, застыла и растаяла без следа. В груди будто что-то оборвалось, а ладони мгновенно стали влажными.

Уилл и Лим сразу заметили перемену в моём лице. Их весёлые улыбки тут же погасли.

— Анна? — Лим наклонился вперёд, внимательно вглядываясь в меня. — Всё хорошо?

— Да, да, всё в порядке, — я заставила себя улыбнуться, но получилось жалко, неубедительно.

— Просто... это мой муж. Нужно ответить.

— Может, не сейчас? — осторожно предложил Уилл. — Скажи, что перезвонишь позже.

— Он не отстанет, — тихо ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Лучше сразу разобраться.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Идите, — я кивнула в сторону двери. — Спасибо за всё. Правда, спасибо. Но сейчас мне нужно поговорить с ним наедине.

Лим помедлил, будто хотел что-то сказать, но лишь кивнул и поднялся. Уилл тоже встал, бросил на меня ещё один обеспокоенный взгляд.

— Мы будем недалеко, — тихо сказал он. — Если что — звони.

— Хорошо, — я выдавила улыбку, уже глядя в сторону, на экран телефона, где всё ещё горел контакт «Брэк».

Парни вышли, аккуратно прикрыв за собой дверь. В палате стало слишком тихо — так бывает, когда уходит смех и остаётся только напряжение.

Я посмотрела на телефон — вызов всё ещё шёл. Несколько неотвеченных до этого. Глубоко вдохнула, нажала «ответить» и поднесла трубку к уху.

— Алло, — мой голос прозвучал ровно, почти бесстрастно. Слишком ровно.

— Наконецто! — голос Брэка взорвался в трубке, резкий, грубый, пропитанный раздражением. — Сколько можно не отвечать?! Ты что, оглохла?

— Я была занята, — коротко ответила я, стараясь не выдать эмоций.

— Занята? — он рассмеялся жёстко, без тени веселья. — Чем? Лежишь и смотришь в потолок? Не строй из себя святую, Анна. Ты прекрасно знаешь, о чём я.

Я закрыла глаза, пытаюсь сдержать дрожь.

— О чём ты, Брэк? — тихо спросила я.

— Ты забыла, о чём мы договаривались? — его голос стал тише, но от этого звучал ещё страшнее. — Если хоть слово комунибудь проболтаешься... про то, что было... про наркотики... Ты поняла меня, Анна?

Я замерла. Воздух будто сгустился, стал тяжёлым, почти ядовитым.

— Я... я ничего не говорила, — прошептала я.

— Лучше бы тебе не врать, — прошипел он. — Потому что если я узнаю, что ты открыла свой рот... Ты пожалеешь. Очень пожалеешь. Ты меня знаешь.

В трубке раздались гудки — он бросил трубку, не дожидаясь ответа.

Я медленно опустила телефон, чувствуя, как по щекам катятся слёзы. Руки дрожали, дыхание сбилось. Всё тепло, которое подарили мне друзья, растаяло в одно мгновение, сменившись ледяным страхом.

Оглянулась на дверь — она оставалась закрытой. Уилл и Лим не вернулись. Они сдержали слово: дали мне пространство, не стали давить, не пытались вытянуть признания. И от этого на душе стало ещё тяжелее — я осознала, что осталась один на один со своими страхами.

Сжала телефон в ладони, потом положила его на тумбочку рядом с книгами Спаркса. Контраст получился резкий: с одной стороны — истории о любви и надежде, с другой —

реальность, пропитанная страхом и угрозами.

Взгляд упал на «Дневник памяти». Я провела пальцем по обложке, словно ища в ней опору. В голове крутились слова Брэка — холодные, жёсткие, безжалостные. Но где-то на краю сознания зашевелилась мысль: а что, если не молчать? Что, если рассказать хотя бы Уиллу и Лиму? Они ведь уже что-то заподозрили...

Но тут же внутри поднялся ледяной ком страха. Нет. Пока рано. Брэк опасен. Он выполнит свои угрозы. Нужно время — время подумать, решить, как действовать дальше.

Я откинулась на подушку, закрыла глаза. В ушах всё ещё звучал его голос. Но теперь к нему примешивался другой звук — тихий, но настойчивый: это билась во мне решимость. Не сейчас. Но скоро. Обязательно скоро.

Все же меня посещали разные мысли: что будет, если я открою рот? Меня бросило в дрожь. Воображение услужливо подкидывало картины — одна страшнее другой. Я отчётливо представила, как Брэк выходит из себя, как его лицо искажается от ярости, как он делает то, о чём только что угрожал. От осознания того, что он на самом деле может сделать, меня охватила паника.

Грудь сдавило, стало трудно дышать. Казалось, воздух в палате вдруг стал густым и вязким — я хватала его ртом, но он не наполнял лёгкие. Перед глазами замелькали тёмные пятна, в ушах зазвенело. Одними словами Брэк приводил меня в такое состояние — что будет, если он начнёт дей-

ствовать?

Мир поплыл перед глазами, всё пошло кругом. Паника накрывала волнами, каждая следующая — сильнее предыдущей. Я вцепилась в край кровати, пытаюсь удержаться в реальности, но тело не слушалось.

Еле нащупала кнопку вызова врача — пальцы скользили, не хотели подчиняться. Нажала её несколько раз подряд, надеясь, что сигнал пройдёт. Потом откинулась на подушку, закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании: вдох... выдох... вдох... выдох...

Гдето вдалеке послышались шаги. Кто-то вошёл в палату. — Анна, что случилось? — раздался встревоженный голос медсестры.

Я открыла глаза, попыталась что-то сказать, но голос пропал. Только кивнула в ответ, чувствуя, как накатывает волна облегчения: помощь пришла вовремя.

Глава 6

Анна

Я чувствую, как прихожу в себя. Сознание возвращается рывками — будто кто-то дёргает рубильник: то темнота и невесомость, то проблески ощущений.

Слышу далёкий, но очень знакомый и тёплый голос:

— Почему же ты не хочешь признаться? От чего ты так боишься? Я бы помог тебе, я бы спас тебя... Почему ты себя губишь?

Кажется, это голос Зейда. В нём столько искренней боли и тревоги, что сердце сжимается даже сквозь пелену беспомощности.

Пытаюсь открыть глаза — но вокруг всё та же вязкая, густая темнота. Она не пропускает свет, не даёт сориентироваться. Где я? Что со мной?

Пробую пошевелить руками — и понимаю, что они будто в тисках. Не могу ни поднять их, ни согнуть пальцы. Паника подступает к горлу, но я заставляю себя дышать ровно. Вдох. Выдох. Ещё раз.

— Зейд... — пытаюсь произнести я, но вместо слов вырывается лишь хриплый шёпот.

— Тише, тише, — его голос становится ближе, будто он наклоняется ко мне. — Не трать силы. Ты в безопасности. Ты в больнице. У тебя был сильный приступ.

Больница. Приступ. Слова медленно укладываются в голове, складываясь в картину. Звонок Брэка. Страх. Паника. Кнопка вызова врача... Всё возвращается.

— Открой глаза, Анна, — мягко просит Зейд. — Ты можешь. Я здесь.

Я сосредотачиваюсь, собираю все силы и наконец заставляю веки подняться. Сначала вижу только размытые пятна света, но постепенно очертания становятся чётче.

Передо мной — лицо Зейда. Он сидит рядом с кроватью, склонившись надо мной. В его глазах — тревога, но он улыбается. Улыбка выходит немного дрожащей, но от этого она кажется ещё более настоящей.

— Привет, — шепчу я.

— Привет, — он берёт мою руку, осторожно, будто боится сломать. — Ты напугала нас всех.

Я пытаюсь вспомнить, что было после того, как нажала кнопку вызова.

— Сколько... сколько я была без сознания?

— Всего несколько минут, — успокаивает он. — Но этого хватило, чтобы перепугать медсестру, а она, в свою очередь, позвонила мне. Точнее, сначала я ей позвонил.

Я хмурюсь, пытаюсь уловить суть.

— Ты позвонил? Но откуда ты...

Зейд чуть смущённо пожимает плечами:

— Я попросил медсестру сообщать мне обо всём необычном. Подкупил её небольшим бонусом — парой билетов на

концерт её любимой группы и коробкой конфет. Она согласилась: мол, если что-то пойдёт не так, сразу даст знать. И вот... она позвонила, как только увидела, что у тебя сбилось дыхание и подскочило давление.

Я молча смотрю на него. В груди что-то теплеет. Он не просто оказался здесь случайно — он организовал систему, чтобы быть в курсе моего состояния. Чтобы успеть прийти на помощь.

— Ты... ты всё это устроил ради меня? — тихо спрашиваю я. — Конечно, — просто отвечает Зейд. — Я же обещал, что буду рядом. И я держу обещания.

Тело всё ещё слабое, но паника окончательно отступает. Рядом Зейд — человек, который не просто пришёл, а заранее позаботился о том, чтобы оказаться рядом в нужный момент.

— Ты сказал... что мог бы мне помочь, — вспоминаю я его слова из полузабытья. — Почему ты так уверен?

Зейд смотрит на меня долго и серьёзно.

— Потому что ты не одна, Анна, — говорит он. — И никогда не была. Пора перестать всё держать в себе. Давай начнём с самого начала. Расскажи мне всё. Без утайки.

Я закрываю глаза на мгновение, собираясь с духом. Страх всё ещё где-то рядом, шепчет о последствиях, о гневном Брэке. Но теперь рядом есть кто-то, кто готов выслушать. Кто-то, кому, кажется, можно довериться.

Я решила рассказать ему всё. Всё до последней капли. Его присутствие вселило в меня уверенность, и я была уверена,

что он мне поможет.

— Хорошо, — выдохнула я, сжимая пальцами край одеяла. — Я начну с самого начала...

Зейд молча кивнул, подвинул стул ближе к кровати и взял мою руку. Его ладонь была тёплой и твёрдой — в ней чувствовалась опора, которой мне так не хватало все эти месяцы.

— Брэк впервые предложил мне это под видом успокоительного, — начала я тихо. — В тот период я сильно депрессировала: положение в семье было невыносимым, постоянная нехватка денег, порой даже еды не хватало. Я была измотана, разбита И он сказал, что это поможет мне расслабиться, забыть обо всём хотя бы на пару часов.

Голос дрожал, но я заставила себя продолжать. Зейд не перебивал — только чуть сильнее сжал мою руку, словно говоря: «Я здесь. Я слушаю».

— Сначала было всего пару раз Потом я пыталась уйти. Ушла даже — на неделю, может, чуть больше. Но он нашёл меня, уговорил вернуться. Сказал, что изменится, что всё будет по-другому. И я поверила. Наивная...

Я закрыла глаза, вспоминая тот момент — как уговаривала себя, что теперь всё наладится. Как пыталась найти оправдания его поступкам.

— Дальше стало только хуже, — продолжила я. — Когда я отказывалась в близости, он предлагал эту гадость. Если я отказывалась и от неё — он бил. А я обманывала себя тем,

что теперь я независимая, что решаю сама. Но это совсем не так. Ничто не было моим решением. Ничто.

Слеза скатилась по щеке, но я не стала её вытирать. Впервые за долгое время я говорила правду — вслух, комуто, кто был готов её услышать.

— Последние дни всё только усилилось, — голос стал совсем тихим. — Он стал ещё жёстче, ещё требовательнее. Требовал полного подчинения. Угрожал, что если я хоть комуто скажу хоть слово — он сделает так, что я пожалею. И я верила. Потому что видела, на что он способен.

Зейд молчал долго. Его лицо стало жёстким, в глазах вспыхнул холодный огонь — не гнева, а решимости. Он отпустил мою руку лишь на мгновение, чтобы достать платок и аккуратно вытереть слёзы с моих щёк.

— Прости, что не вмешался раньше, — произнёс он глухо. — Прости, что позволил этому зайти так далеко.

— Ты не мог знать, — я покачала головой. — Я никому не говорила. Прятала синяки, придумывала истории про случайные падения...

— Больше не нужно, — перебил он твёрдо. — Больше никаких историй, никакого страха. Мы что-нибудь придумаем. Я не позволю ему и дальше тебя мучить.

Он встал, наклонился и осторожно, почти невесомо, коснулся губами моего лба.

— Отдыхай сейчас, — сказал он мягче. — Восстанавливайся. А я займусь делом. Договорились?

Я кивнула, чувствуя, как тяжесть, давившая на плечи годами, понемногу начинает отпускать. Впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — улыбнулся он. — Спи. Я буду рядом.

И впервые за много месяцев я уснула спокойно — зная, что кто-то охраняет мой сон.

Между мной и Зейдом повисла тишина на несколько секунд. Потом в палату прошёл доктор Темпелман. При его виде стало тепло — я вспомнила, как он не выдал меня Брэку после того, как я ему всё рассказала. Он смотрел на меня, потом на Зейда, потом на стаканчик кофе, который принесли парни.

— Кому было велено не принимать кофеин, или, Анна, вы захотели тут задержаться надолго? — говорил он с долей шутки.

Я попыталась объяснить ему, что это от парней, но я не успела притронуться.

Зейд наблюдал за нами и молчал. Доктор достал фонендоскоп, проверил сердцебиение, потом пульс. Движения его были уверенными, отточенными — будто он делал это тысячу раз.

После он достал пузырёк с таблетками, сказал, что это несильное успокоительное, и что мне стоит его сразу же принять. Я машинально взяла пузырёк, пальцы слегка дрожали.

Немного погодя доктор посмотрел на Зейда со спрашива-

ющим взглядом. Я метнула взгляд к Зейду — и он кивнул. Я не могла понять, что происходит. Воздух в палате будто сгустился, стал тяжелее.

И потом мистер Темпелман заговорил:

— Анна, Зейд знает всё. Я его уведомил об этом в тот же день, когда вас привезли.

Мир на мгновение замер. Звук собственного дыхания, тиканье часов на стене, даже биение сердца — всё будто отключилось.

Зейд всё знал.

А я-то думала, что нашла в себе силы открыться хоть кому-то. Думала, что делаю шаг навстречу доверию, что наконец решаюсь рассказать правду — и это будет *мой* выбор. А вышло, что он всё знал.

Всё это время. Мною овладели одновременно стыд и злость. Стыд — потому что обо мне говорили за спиной, обсуждали мою боль, мои слабости, как будто я — тема для беседы, а не живой человек. Злость — потому что меня лишили права самой решать, кому и когда открывать душу.

Я подняла глаза на Зейда. Он сделал шаг ко мне, открыл рот, будто хотел что-то сказать, но я отвернулась. В груди клокотало: обида, разочарование, ощущение предательства. Как он мог? Почему не сказал? Почему смотрел на меня с этой своей понимающей улыбкой, будто ничего не изменилось?

Доктор Темпелман, заметив мою реакцию, мягко положил руку мне на плечо:

— Анна, послушайте... Он молчал не изза равнодушия. Он молчал, потому что ждал, когда *вы* будете готовы говорить. Это было ваше право — рассказать тогда, когда почувствуете, что можете. И он уважал это право.

Я сжала край одеяла, пытаюсь унять дрожь в руках. Слова доктора доносились будто издалека. Внутри всё ещё бушевало, но где-то на краю сознания зарождалась мысль: а что, если он прав? Что, если Зейд действительно ждал — терпеливо, молча, — пока я сама решусь?

Зейд тихо подошёл ближе и тихо, но твёрдо произнёс:

— Я ждал. И буду ждать столько, сколько нужно. Но теперь я здесь — и я не уйду.

Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох. Эмоции всё ещё рвались наружу, но в его голосе было что-то такое, что заставило меня хотя бы на секунду остановиться и прислушаться — не к словам, а к тому, что за ними.

Всё же поддалась эмоциям и резко предъявила:

— Я хочу побыть одна, а дальше — поспать. Поговорим об этом потом.

В голосе прозвучала такая твёрдость, что даже меня это удивило. Но за этой твёрдостью пряталось другое — хрупкость, уязвимость, страх потерять контроль. Сейчас от меня можно было ожидать всего что угодно: слёз, криков, истерики — и я не хотела этого показывать ни доктору, ни Зейду.

Доктор Темпелман замер на мгновение, внимательно посмотрелся в моё лицо — будто пытался прочесть то, что я

пыталась скрыть. Его взгляд смягчился. Он слегка кивнул, будто понял без слов.

— Хорошо, Анна, — тихо произнёс он. — Отдых сейчас — самое важное. Мы вернёмся позже.

Он бросил короткий взгляд на Зейда, едва заметно качнул головой — тот понял без слов.

Зейд сделал шаг ко мне, словно хотел что-то сказать, протянуть руку, успокоить. Но остановился. В его глазах мелькнуло что-то болезненное — сожаление, вина, может быть, даже страх. Он сжал губы, кивнул и отступил.

— Мы будем рядом, если понадобится, — тихо сказал он. — Просто позови. К моему удивлению, они, немного поразмыслив, удалились. Доктор вышел первым, чуть придержав дверь для Зейда. Тот обернулся на пороге, задержал взгляд на мне ещё на секунду — долгий, тяжёлый взгляд, полный невысказанных слов, — и вышел следом. Дверь тихо щёлкнула замком.

Я осталась одна.

Тишина накрыла комнату, как тяжёлое одеяло. Я откинулась на подушку, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Грудь всё ещё сжимало от обиды, в горле стоял ком, но теперь, когда я была одна, эмоции начали понемногу утихать.

Медленно, осторожно я провела рукой по лицу — щека оказалась влажной. Одна слеза всё-таки скатилась, пока я старалась держать себя в руках. Я вытерла её, вздохнула ещё раз и подтянула одеяло повыше.

«Они знали, — мысленно повторила я. — Зейд знал всё это время».

Мысль больше не жгла, как в первые секунды, а пульсировала где-то внутри — не так остро, но настойчиво. Но сейчас не было сил разбираться в этом. Не было сил злиться, обижаться, думать.

Я повернулась на бок, свернулась калачиком и закрыла глаза. Дыхание постепенно выравнивалось. Где-то далеко, за стенами палаты, слышались шаги, приглушённые голоса, писк приборов — но всё это отдалялось, становилось нереальным.

Сон подкрадывался незаметно, обволакивал, дарил передышку. И впервые за долгое время я позволила себе отпустить всё — просто отключиться, раствориться в темноте и тишине.

Я не помню, как провалилась в сон.

Утром меня разбудил визит моего отца и Мии. Сквозь полудрёму я слышала знакомый звонкий голос, потом ощутила, как кто-то осторожно, но настойчиво теревит меня за руку.

— Мама! Мама, просыпайся! — Мия уже взобралась на кровать и обняла меня, прижавшись всем телом. Её тёплые маленькие руки обхватили мою шею, а светлые волосы щекотали щёку. — Ты наконец проснулась! Я так скучала!

Я приоткрыла глаза и улыбнулась, несмотря на тяжесть в голове после беспокойного сна. Прижала дочку к себе, вдох-

нула знакомый запах её волос — ванили и детского шампуня.

— Мия... — голос прозвучал хрипло, но я постаралась добавить в него как можно больше тепла. — Моя маленькая принцесса. Как же я рада тебя видеть.

Она отстранилась, чтобы посмотреть мне в лицо, и я впервые за долгое время внимательно взгляделась в её глаза. Один — яркоголубой, словно весеннее небо, второй — изумруднозелёный, как первые листочки на деревьях. Эта необычная смесь всегда напоминала мне о чёмто волшебном, будто сама природа решила отметить её как особенную.

— Ты выглядишь уставшей, — серьёзно сказала она. — Но ничего, я принесла тебе рисунок! Смотри!

Она порылась в своём маленьком рюкзаке, вытащила сложенный вдвое лист бумаги и торжественно развернула его передо мной. На рисунке были мы троём — я, она и папа — на фоне огромного солнца и зелёной травы. Все улыбались, а над нами летали разноцветные птицы.

— Это мы на пикнике, — пояснила Мия. — Я нарисовала, чтобы ты быстрее поправилась. Папа сказал, что ты просто отдыхаешь, но я знаю — ты болела. И я молилась, чтобы ты была здорова.

Её искренность ударила прямо в сердце. Я сглотнула комок в горле, разгладила рисунок и поцеловала её в лоб.

— Спасибо, солнышко. Это самый красивый рисунок на свете. Он уже помогает мне чувствовать себя лучше.

Мия просияла и снова обняла меня, на этот раз крепче. Её глаза — один голубой, другой зелёный — сверкнули радостью, и в этот момент они показались мне двумя окнами в какойто добрый, чистый мир, где нет места боли и страху.

— Правдаправда? — переспросила она, чуть отстранившись, чтобы убедиться, что я не просто утешаю её. — Ты точно чувствуешь себя лучше?

— Точно, — я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась как можно более уверенной. — С тобой рядом я выздоравливаю в два раза быстрее.

— Тогда я буду сидеть тут всегда! — заявила Мия с детской непосредственностью и устроилась рядом, прижимаясь щекой к моему плечу.

Я посмотрела на отца — он стоял у изголовья кровати, слегка запыхавшийся, наверное, пытался угнаться за Мией. Его лицо, обычно строгое и сдержанное, сейчас выражало облегчение. Он неловко переминался с ноги на ногу, потом подошёл ближе.

— Ну, вижу, худшее позади, — произнёс он хрипловатым голосом. — Доктор Темпелман звонил, сказал, что состояние стабилизировалось. Но предупредил — никаких волнений.

— Пап, — я поймала его взгляд, — спасибо, что привёз Мию. Это... это действительно помогает.

Он кивнул, чуть улыбнулся и положил руку на плечо внучки.

— Она не давала мне покоя, пока не согласились приехать, — сказал он. — «Мама ждёт, мама скучает», — передрознил он её тон, и Мия звонко рассмеялась.

— Конечно, ждёт! — она повернулась к дедушке. — Мама всегда меня ждёт, даже когда болеет. Правда, мама?

Я притянула её к себе и прошептала на ухо:

— Конечно, правда. Я всегда тебя жду, моя хорошая. Всегда.

Мия довольно вздохнула, устроилась рядом со мной и потянула свой рисунок, чтобы показать ещё какие-то детали. А я закрыла глаза на мгновение, чувствуя, как внутри что-то оттаивает. Рядом с ней тревога и обида отступали, оставляя место простому, чистому счастью.

Отец молча наблюдал за нами, потом тихо кашлянул.

— Мы не будем тебя утомлять, — сказал он. — Посидим немного, поболтаем о пустяках, да, Мия?

— Да! — радостно согласилась она. — Я расскажу маме, как мы с дедушкой кормили уток в парке!

И она начала свой рассказ — сбивчиво, с восторженными паузами и жестикуляцией, а я слушала, гладила её по волосам и впервые за долгое время чувствовала себя... целой.

Мия-Ария без умолку рассказывала про свои прогулки, шалости и новые игрушки — минут пятнадцать она сыпала историями, жестикулировала, то и дело заглядывала мне в глаза, проверяя, внимательно ли я слушаю. Её голос, звонкий и беззаботный, на мгновение отгонял все тревоги, поз-

воля просто быть здесь и сейчас — мамой, которая слушает свою дочку.

Но потом мой отец принял серьёзный вид, кашлянул, привлекая внимание, и сказал:

— Анна, забыл сказать — мне надо уехать по серьёзным делам. В компании коекакие неполадки, хочу быстро решить и вернуться. Мама скоро вернётся и будет тебя навещать каждый день. Да и Брэк с Мией тоже тут.

Меня хватил холод от услышанного. Внутри всё сжалось, будто кто-то резко затянул невидимую верёвку вокруг груди. Рядом с папой я всегда чувствовала себя в безопасности — его присутствие было как щит. Но если Брэк начнёт ко мне зачастить Я этого не вынесу. Надо сделать так, чтобы он меня не трогал и не беспокоил.

Мия, ничего не подозревая, продолжала болтать о чём-то, но я уже не слышала её слов. Взгляд отца поймал мой — он сразу заметил перемену в моём лице.

— Что-то не так? — тихо спросил он, наклоняясь ближе.

Я быстро моргнула, стараясь стереть из взгляда тень тревоги, и заставила себя улыбнуться.

— Нет-нет, всё хорошо, пап, — мой голос прозвучал чуть выше обычного, но я тут же поправилась, понизив тон. — Просто... немного устала. Слишком много впечатлений после сна.

Отец прищурился — он всегда чувствовал, когда я что-то скрываю, — но не стал настаивать. Вместо этого он мягко

положил руку мне на плечо.

— Понимаю. Восстановление — дело небыстрое. Но ты держись, дочка. Мы все рядом. Мама будет навещать тебя ежедневно, Мия тоже будет забегать — она ведь не даст тебе покоя, — он улыбнулся, бросив взгляд на внучку, которая увлечённо показывала мне какуюто игрушку из рюкзака.

— Да, — я кивнула, снова глядя на Мию. Её глаза — один голубой, другой зелёный — светились таким чистым счастьем, что на секунду все страхи отступили. — Это самое главное.

— Я вернусь, как только разберусь с делами, — продолжил отец. — А пока, если чтото понадобится — сразу звони. Не жди, не молчи. Договорились?

Я сжала его руку в ответ.

— Договорились, пап. Спасибо.

Он улыбнулся, слегка похлопал меня по руке.

— Всё наладится, дочка. Я скоро вернусь. А пока отдыхай и набирайся сил. Для Мии. Для себя.

Мия, уловив, что атмосфера снова стала лёгкой, радостно захлопала в ладоши:

— Значит, мы завтра опять придём? И я расскажу тебе ещё миллион историй!

Я рассмеялась, на этот раз искренне:

— Конечно, милая. Жду с нетерпением.

Отец поднялся, подмигнул мне и протянул руку Мие:

— Пойдём, принцесса, дадим маме немного отдохнуть.

Она ещё не до конца поправилась.

— Ладно, — вздохнула Мия, но тут же оживилась. — Тогда я нарисую ещё один рисунок! Самыйсамый красивый!

— С нетерпением буду ждать, — улыбнулась я.

Они направились к двери, и я смотрела им вслед, чувствуя, как внутри борются два чувства: облегчение от того, что папа рядом хотя бы сейчас, и нарастающая тревога перед тем, что ждёт меня дальше. Мия обернулась на пороге, помахала мне рукой, и я помахала в ответ — широко, радостно, так, чтобы она ничего не заподозрила.

Дверь закрылась. Я откинулась на подушку, закрыла глаза. Тревога никуда не делась, она притаилась гдето внутри, но рядом с теплом от встречи с дочкой она пока отступила — на шаг, на миг, но отступила.

Я ни за что не хочу компании Брэка — и мне надо этого какнибудь избежать. Мысль о его визитах в палату вызывала внутри ледяной комок, который медленно растекался по венам, сковывая движения, затуманивая разум.

Надо же — статус мужа он носит с гордостью. Любит напоминать об этом прилюдно, с какойто показной заботой, с высокомерным снисхождением. Но стоит только мне заговорить — и он уже не муж мне, а господин. Господин, который диктует, что делать, как говорить, как чувствовать. Каждое его слово будто давит невидимой тяжестью, лишает права на собственное мнение, на собственный голос.

Но нет. Я не позволю ему продолжать это. Больше не поз-

волю.

Эта мысль вспыхнула внутри — яркая, обжигающая, как искра. Впервые за долгое время она не была пропитана страхом. В ней была решимость.

Я придумаю что-нибудь. Обязательно придумаю.

Закрывает глаза, пытаясь собраться с мыслями. Дыхание выровнялось, а в голове начали выстраиваться первые контуры плана.

Во-первых, я должна заручиться поддержкой доктора Темпелмана. Он видел моё состояние, он понимает, что стресс может всё ухудшить. Если он официально запретит «посещения, вызывающие волнение», это станет надёжным щитом.

Во-вторых, отец. Он обещал вмешаться, если что-то пойдёт не так. И я должна буду воспользоваться этим обещанием — без колебаний, без страха показаться «неудобной». Он мой отец. Он должен защищать меня.

В-третьих, Мия. Она — мой якорь, мой источник силы. Когда я смотрю в её глаза — один голубой, другой зелёный, — я вижу мир, который стоит защищать. Ради неё я не имею права снова сгибаться под его давлением.

Мысленно я повторила про себя: «Я не вещь. Я не придаток к его статусу. Я мать. Я дочь. Я женщина, которая имеет право на покой, на безопасность, на выбор».

Тревога ещё шевелилась где-то внутри, но теперь она была не главной. Её оттесняла новая, непривычная сила — та,

что рождается из осознания: я больше не одна. У меня есть союзники. У меня есть причина бороться.

«Ты не сломаешь меня, Брэк, — подумала я твёрдо, почти вслух. — Не в этот раз. Не теперь, когда я поняла, чего стою». Открыла глаза. За окном светило солнце, по стене бежали тени от ветвей. Всё выглядело так же, как и минуту назад. Но внутри что-то изменилось. Я больше не ждала, когда ситуация разрешится сама. Я была готова действовать.

И пусть пока у меня нет чёткого плана — он появится. Шаг за шагом. Решение принято.

И как на заказ в палату зашёл доктор Темпелман — именно тогда, когда он был мне так нужен.

Я широко улыбнулась, радуясь его визиту. В груди чуть отпустило: будто сама судьба послала мне человека, который может помочь.

— Доктор! — мой голос прозвучал чуть громче обычного, но я не стала сдерживаться. — Как хорошо, что вы пришли.

Он остановился у кровати, слегка приподнял брови в вежливом удивлении, но тут же улыбнулся в ответ — тепло, по-доброму.

— Анна, вижу, настроение улучшилось, — заметил он, доставая блокнот и ручку. — Расскажите, как вы себя чувствуете сегодня? Никаких неприятных ощущений? Головокружения, слабости?

— Чувствую себя лучше, спасибо, — поспешно ответила я. — Но дело не только в самочувствии Доктор, можно вас

попросить присесть? Мне нужно с вами поговорить. Серьёзно.

Он замер на мгновение, потом кивнул, поставил стул рядом с кроватью и сел, сложив руки на коленях. Взгляд стал внимательным, сосредоточенным.

— Конечно, Анна. Я вас слушаю. Что вас беспокоит?

Я глубоко вздохнула, подбирая слова. Внутри всё ещё дрожало от напряжения, но я заставила себя говорить ровно, чётко.

— Доктор Темпелман, я понимаю, что вы прежде всего врач, но мне нужна ваша помощь не только медицинская. Я боюсь визитов одного человека. Его присутствие вызывает у меня сильный стресс — настолько, что это, кажется, влияет на моё восстановление.

Доктор слегка наклонил голову, не перебивая, но в глазах мелькнуло понимание.

— Вы говорите о Брэке? — мягко уточнил он.

Я кивнула, чувствуя, как ком подступает к горлу.

— Да. Когда он рядом, я не могу расслабиться. Сердце начинает биться чаще, дыхание сбивается... Я знаю, что он имеет право навещать меня, но...

— Поймите, — перебил он не резко, а скорее успокаивающе. — У вас тоже есть права. Право на покой. Право на безопасное пространство во время лечения.

Он откинулся на спинку стула, задумался на несколько секунд, потом достал из кармана халата ручку, что-то быстро

записал в блокноте, вырвал листок и протянул мне.

— Вот, — сказал он твёрдо. — Официальное предписание: «Ограничить посещения лиц, провоцирующих стрессовые реакции у пациентки. Рекомендовано минимизировать контакты до стабилизации эмоционального состояния». Покажите это любому, кто будет настаивать на визите. И если возникнут сложности — сразу звоните мне. Прямо в любое время.

У меня перехватило дыхание. Я взяла листок, сжала его в ладони — будто это был не лист бумаги, а щит, защита, опора.

— Спасибо, доктор... — голос дрогнул, но я быстро взяла себя в руки. — Спасибо. Вы даже не представляете, как это важно для меня.

Он мягко улыбнулся, поднялся со стула.

— Представляю, Анна. И я рядом. Помните: ваше здоровье — это не только давление и пульс. Это ещё и душевное равновесие. Берегите себя. А я буду следить за процессом.

— Буду, — кивнула я, впервые за долгое время чувствуя, что действительно могу выдохнуть. — Обещаю.

Доктор похлопал меня по плечу, собрал инструменты и направился к двери. Уже на пороге обернулся:

— Отдыхайте. И не забывайте — вы на правильном пути.

Дверь закрылась за ним, а я ещё долго смотрела на листок в руке. Внутри разливалась тихая, осторожная надежда. Может быть, теперь всё действительно начнёт меняться.

В хорошем расположении духа я решила дочитать книгу — «Дневник памяти». Это было очередное произведение, которое заставляло верить, что любовь всётаки существует.

Я открыла книгу на заложенной странице и погрузилась в строки, написанные дрожащей рукой Элли. Свет утреннего солнца падал на страницы, мягко подсвечивая чернила, а за окном шелестели листья — будто вторили словам, оживавшим в моём сознании.

****Письмо Элли для Ноя:****

> Дорогой Ной, >

> Пишу тебе при свечах — их пламя дрожит, как и моё сердце. Ты спишь рядом, устало откинувшись на подушку, и даже во сне твои пальцы чуть сжимают край одеяла, будто боятся отпустить что-то важное. Я смотрю на тебя и думаю: как же так вышло, что человек, встреченный случайно, стал для меня целым миром? >

> Помню наш первый танец под дождём — ты тогда снял пиджак и накинул мне на плечи. Капли стекали по твоим волосам, а ты смеялся и говорил: «Теперь мы оба промокнем, но зато не замёрзнем». В тот миг я впервые почувствовала: это не просто увлечение. Это что-то большее — глубокое, настоящее, вечное. >

> А потом были вечера на веранде, когда ты играл на гитаре, а я слушала, прижавшись к твоему плечу. Ты пел о звёздах и ветре, но я знала — каждая нота была обо мне. И я молчала, потому что слова казались слишком мелкими для

того, что творилось в душе. >

> Ной, я боюсь не успеть сказать тебе главное. Боюсь, что время ускользнёт, как песок сквозь пальцы, а я так и не выговорю всего, что ношу в сердце. Поэтому пишу сейчас — пока ты спишь, пока свечи догорают, пока ночь хранит наши тайны. >

> Я люблю тебя. Не за что-то, а просто так — целиком, без остатка, вопреки всему. Люблю твои руки, которые могут быть и сильными, и нежными. Твой взгляд, в котором я вижу отражение своей души. Твою улыбку — ту самую, с лёгкой хитринкой, от которой у меня до сих пор перехватывает дыхание. >

> Если когданибудь, много лет спустя, ты найдёшь это письмо, знай: даже если я буду далеко или забуду что-то — в самой глубине, там, где живёт настоящая я, я всё равно буду любить тебя. Всегда. >

> Твоя Элли.

Я дочитала последние строки и на мгновение замерла, чувствуя, как в груди разливается тепло. Пальцы слегка дрожали, когда я провела ими по бумаге, будто пытаюсь коснуться тех же чернил, что когда-то касались пера Элли.

Закрыв книгу, я прижала её к груди. В ушах ещё звучали слова письма — тихие, искренние, полные такой глубокой нежности, что на глаза навернулись слёзы. Как же это возможно — чтобы чувства, записанные на бумаге много лет назад, могли так сильно отозваться в чужой душе?

«Значит, она всётаки существовала, — подумала я, глядя в окно, где солнце золотило верхушки деревьев. — Настоящая любовь. Не показная, не властная, а та, что даёт силы, утешает, остаётся даже тогда, когда всё остальное исчезает».

И в этот миг, среди больничных стен, запах лекарств чуть отступил, уступив место чемуто другому — едва уловимому аромату надежды. Может быть, и в моей жизни найдётся место для такой любви. Или, быть может, она уже стучится в дверь — тихо, незаметно, но верно.

Такое блаженное наслаждение внезапно прерывает телефонный звонок. Я машинально беру трубку и бросаю взгляд на экран — там высвечивается контактное имя «Брэк».

По телу прокатывается мгновенная, колючая дрожь — словно ледяной вихрь пронёсся по венам, разом сметая хрупкое ощущение покоя. Почему всякий раз, когда мне удаётся поймать хоть крупицу душевного тепла, он непременно появляется, будто чувствует это на расстоянии? Словно нарочно подгадывает момент, чтобы вломиться в моё хрупкое равновесие и нарушить его одним своим присутствием.

Я твёрдо решаю проигнорировать звонок. Пальцы чуть дрожат, пока я откладываю телефон экраном вниз, будто так смогу отгородиться от всего, что с ним связано.

Несколько повторных звонков следуют один за другим — настойчивые, требовательные, как удары в дверь, которую я отчаянно пытаюсь держать закрытой. Затем они прекращаются. И, как всегда, по негласной традиции, через пару ми-

нут приходит СМС — он неизменно поступает так при каждом моём молчании.

Я открываю сообщение и читаю:

> «Малышка, наверное, спишь. Слышал, твой папа улетает, скоро буду, жди меня. Я ужасно соскучился по твоему телу».

Внутри всё сжимается, будто кто-то резко затянул невидимый шнур вокруг сердца. Эти слова, такие холодные и однозначные, обрушиваются на меня, словно ушат ледяной воды. В тот самый миг, когда я тосковала по настоящей любви — тёплой, бережной, наполненной нежностью, — ответом становится это. Не забота, не участие, не вопрос о моём самочувствии — лишь голое желание, лишённое всякой душевной теплоты.

Я медленно опускаю телефон на одеяло, словно он обжёт мне пальцы. В груди разрастается тяжёлое, гнетущее чувство — смесь обиды, разочарования и горькой пустоты. Как можно так легко обесценить всё, что между нами когда-то было? Или, может, ничего и не было — только иллюзия, которую я сама себе придумала?

Взгляд невольно падает на книгу, всё ещё лежащую рядом, — «Дневник памяти». Страницы, где Элли пишет о своей любви, кажутся теперь чем-то из другого мира. Мира, где чувства глубоки, где слова идут от сердца, где близость — это не просто телесное притяжение, а соединение душ.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, стараясь унять

внутреннюю дрожь. Нет. Больше я не позволю ему так со мной обращаться. Не позволю его словам лишать меня покоя, отнимать надежду на что-то настоящее. Я заслуживаю большего. Заслуживаю уважения. Заслуживаю любви, которая не ставит условий и не требует платы.

Осторожно, почти невесомо, провожу пальцами по обложке книги. Элли нашла свою любовь. И, может быть, однажды, найду и я. Но точно не там, где её нет — и никогда не было.

Я намеренно решила проигнорировать его сообщение — попыталась возвести невидимую стену между нами, отгородиться от его слов, от его ожиданий, от всего, что он олицетворял. Но тщетно: тревога уже проникла внутрь, расплзлась по венам ледяными нитями, не давая полностью успокоиться.

Дыхание сбилось, в висках застучало — я понимала: молчать дальше нельзя. Нужно было чётко обозначить границы, пока они не были в очередной раз безжалостно нарушены.

Решившись, я взяла телефон и сфотографировала бумагу, которую утром вручил мне доктор Темпелман, — официальное предписание о полном покое и запрете посещений, провоцирующих стресс. Взгляд задержался на строчках документа: чёткий почерк врача, печать клиники, дата. Этот лист вдруг показался мне не просто бумагой, а щитом — хрупким, но всё же щитом.

Под фотографией я набрала текст — коротко, твёрдо, без

намёков на слабость:

> «Не всё будет, как тебе хочется, прости, дорогой. Но мне нужен полный покой. Это написал утром врач».

И, задержав дыхание, нажала на иконку «Отправить».

Руки дрожали так сильно, что телефон чуть не выскользнул из пальцев. Тело казалось чужим — будто я наблюдала за происходящим со стороны, а кто-то другой совершил этот шаг, на который я так долго не решалась. В груди билась паника: что он ответит? Как отреагирует? Начнёт давить? Угрожать? Или просто проигнорирует, будто мои слова ничего не значат?

Страх сжимал горло, но где-то глубоко внутри, под слоем тревоги, теплилось новое чувство — робкое, но стойкое. Это была не просто смелость. Это было осознание собственной ценности. Я больше не собиралась жертвовать своим душевным равновесием ради чьих-то амбиций и желаний.

Экран телефона замер в ожидании ответа. Секунды растягивались, как резина, каждая казалась вечностью. Я закрыла глаза, сделала медленный вдох и выдох — раз, другой, третий. Нужно было успокоиться, собраться, напомнить себе: я поступила правильно.

«Я имею право на покой, — мысленно повторила я. — На безопасность. На выбор. И я больше не позволю никому это у меня отнимать».

Телефон тихо вибрировал — пришло уведомление. Я вздрогнула, но не поспешила открывать сообщение. Вместо

этого сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Пусть будет что будет. Я сделала первый шаг. И теперь готова встретить последствия — какие бы они ни были.

Я не стану прикасаться к телефону. Ни за что не поведусь на его очередные манипуляции — эти привычные, отточенные приёмы, которые раньше заставляли меня сомневаться в себе, чувствовать вину, подчиняться. Больше нет.

Тело всё ещё дрожало — не мелкой дрожью, а крупной, внутренней вибрацией, будто каждая клетка сопротивлялась давлению извне. Дыхание сбилось, стало поверхностным и частым, воздух застревал где-то на полпути к лёгким, не насыщая кислородом. В груди нарастало давящее ощущение, словно кто-то туго стянул невидимый корсет вокруг рёбер.

«Мне нужно взять себя в руки, — мысленно приказала я. — Иначе приступа не избежать. А после него я точно не смогу противостоять Брэку — стану уязвимой, беспомощной, и он этим воспользуется».

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Я пыталась сосредоточиться на ритме дыхания, но паника цеплялась за мысли, затягивала в свой вихрь. В комнате вдруг стало невыносимо душно — воздух казался густым, вязким, почти осязаемым. Открытое окно едва ли помогало: слабый ветерок лишь слегка шевелил занавеску, не принося желанной свежести.

Таблетки. Таблетки, которые дал доктор. Где они? Господи, куда я их закинула?

С усилием я поднялась с кровати — ноги подкашивались,

в висках стучало. Осторожно, стараясь не потерять равновесие, подошла к тумбочке. Руки дрожали так сильно, что я едва смогла открыть ящик. Пальцы судорожно перебирали предметы: блокнот, ручка, упаковка салфеток. Наконец, нащупала прохладный стеклянный флакон.

Быстро открутила крышку, вытряхнула две таблетки на ладонь. Запрокинула голову, проглотила, запив несколькими глотками воды из стакана, который чудом оказался рядом.

«Сколько говорил принимать врач?.. — мелькнула тревожная мысль. — Одну? Две? Не помню...»

Но сейчас это казалось неважным. Главное — остановить нарастающую волну паники, вернуть контроль над телом и разумом. Я закрыла глаза, сосредоточившись на ощущениях. Сердце билось часто, неровно, но постепенно ритм начал выравниваться. Дыхание стало глубже, ровнее.

Медленно опустилась обратно на кровать, прислонилась спиной к стене. Ладони всё ещё были влажными, но дрожь понемногу утихала. Я обхватила себя руками, словно пытаюсь собрать воедино разлетевшиеся части себя — ту, что боялась, и ту, что решила бороться.

«Спокойно, — повторяла про себя. — Ты справляешься. Ты уже сделала шаг. Ты поставила границу. Это важно. Это первый шаг к свободе».

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз — молчаливый источник тревоги. Я не стала его переворачивать. Сейчас главное — восстановить силы. Научиться слушать себя,

а не чужие требования. Защищать свой покой — так, как никогда раньше не решалась.

Постепенно дыхание окончательно выровнялось. В голове прояснилось. Я открыла глаза и посмотрела в окно. Небо было ясным, по нему плыли лёгкие облака. Мир за пределами этой комнаты продолжал жить своей жизнью — а значит, и я смогу. Смогу выстроить новую реальность, где мои границы будут не просто словами, а правилами, которые я готова отстаивать.

Я легла на спину, выровняла дыхание — медленно, глубоко, стараясь успокоить расшатанные нервы — и незаметно провалилась в сон. Но это был не отдых, а погружение в тёмную бездну кошмара.

Брэк. Он был рядом — слишком близко, слишком реален. Его руки грубо хватали меня, пальцы впивались в кожу до синяков. Я была догола раздета, чувствовала ледяной сквозняк на обнажённом теле и одновременно — его обжигающее, властное прикосновение. Боль пронзала тело резкими, колючими вспышками, отдавалась в висках, в горле, в каждой клетке.

Я кричала — изо всех сил, до хрипоты, до разрыва в груди. Кричала так, что, казалось, лёгкие вотвот разорвутся. Но мои крики тонули в какойто вязкой, глухой тишине — будто мир вокруг был затянут толстым слоем ваты. Никто не слышал. Никто не приходил на помощь.

Он продолжал — неумолимо, безжалостно, будто насла-

ждаюсь моей беспомощностью. Его твёрдая плоть пронзала меня — сильнее и сильнее, с каждым движением усиливая боль, от которой темнело в глазах. Я пыталась вырваться, но его хватка была железной. Пыталась умолять — голос срывался, слова застревали в горле.

Всё внутри разрывалось от отчаяния. Я чувствовала себя не человеком, а вещью — без воли, без голоса, без права на сопротивление. Мир сузился до этой боли, до его тяжёлого дыхания, до ощущения полной, абсолютной беспомощности.

Вдруг всё изменилось. Моё тело вдруг стало ледяным — не просто холодным, а пронизывающе, смертельно ледяным, будто кровь превратилась в замёрзшую ртуть. Я больше не чувствовала боли — только абсолютный, всепоглощающий холод, который сковывал мышцы, замораживал мысли.

Сквозь этот холод я услышала своё имя. Оно доносилось откуда-то издалека, будто изза толстой стены: «Анна... Анна, я тут, всё хорошо, Анна, ты меня слышишь? Анна, Анна...»

Голос пробивался сквозь кошмар, настойчиво, отчаянно. Он звал меня обратно — туда, где есть свет, тепло, жизнь.

В ужасе я распахнула глаза и резко вскочила, инстинктивно пытаясь вырваться из чьихто рук. Тело дрожало крупной дрожью, пот струился по спине, волосы прилипли ко лбу. Я задыхалась, хватала ртом воздух, но он не насыщал лёгкие.

Огляделась, пытаюсь сфокусировать взгляд. Передо мной был Зейд. Его лицо искажено испугом, глаза расширены, гу-

бы беззвучно повторяют моё имя. Он всё ещё держал меня — осторожно, но крепко, чтобы я не навредила себе в панике.

— Анна, — шептал он снова и снова, — ты здесь. Ты в безопасности. Это был сон. Просто кошмар. Ты слышишь меня? Ты в безопасности.

Его пальцы осторожно гладили мои волосы, скользили по щеке, стирали слёзы, которые текли по лицу непрерывным потоком. Тёплое прикосновение контрастировало с ледяным ужасом, ещё пульсирующим внутри.

И тут, в момент полного осознания — что это был сон, но воспоминания так реальны, что боль всё ещё живёт в теле, что страх всё ещё сковывает мышцы — меня прорвало. Я расплакалась громко, отчаянно, навзрыд. Слёзы лились ручьём, плечи содрогались, а я всё не могла остановиться.

Зейд не отпускал. Он осторожно притянул меня к себе, обнял крепко, но бережно, укрывая от всего мира.

— Всё позади, — тихо говорил он, покачивая меня, как ребёнка. — Ты не одна. Я здесь. Я не дам тебя в обиду. Слышишь? Я не дам.

Я вцепилась в его рубашку, прижалась к нему изо всех сил, пытаясь впитать это тепло, эту защиту. Дрожь постепенно утихала, дыхание выравнивалось, а где-то глубоко внутри зарождалось хрупкое, едва осязаемое чувство — благодарность. Не за то, что он разбудил меня. А за то, что был рядом, когда я больше всего в этом нуждалась.

Кошмар отступал, растворился в реальности, но шрам от него остался — где-то внутри, в самых тёмных уголках души. И теперь предстояло научиться жить с этим — и с пониманием, что прошлое не просто воспоминания. Оно может вернуться в любой момент. Но теперь я знала: не обязательно проходить через это в одиночку.

Зейд не отходил от меня. Его присутствие действовало как якорь — будто одна только близость этого человека удерживала меня от того, чтобы снова не сорваться в пропасть кошмара. Я тешила себя мыслью, что он сможет меня защитить — понастоящему, без условий, без скрытых мотивов. В его глазах не было ни тени осуждения, только тревога и готовность помочь.

Он протянул мне стакан с водой — молча, без лишних слов, лишь лёгким кивком веля выпить. Движения его были плавными, осторожными, будто он боялся спугнуть меня, как пугливое животное. Я взяла стакан дрожащими руками, прижала к груди, словно это была не просто вода, а какой-то талисман. Сделала глоток — прохлада скользнула по пересохшему горлу, немного возвращая меня в реальность.

Зейд тем временем взял с тумбы влажную тряпку и аккуратно протёр моё лицо. Лёгкие, бережные прикосновения отрезвляли, возвращали ощущение собственного тела. Откуда взялась эта тряпка? Я отчётливо помнила, что её не было там, когда я искала флакон с таблетками. Как давно Зейд находится в моей палате? Что он успел увидеть, пока я ме-

талась в кошмаре?

Эти вопросы роились в голове, смешиваясь с остатками страха. Я поймала его взгляд — он смотрел на меня с такой глубокой, почти отцовской заботой, что внутри что-то дрогнуло.

— Ты... давно здесь? — голос звучал хрипло, будто после долгого крика.

Он чуть помедлил с ответом, продолжая аккуратно промокать мои виски.

— Достаточно, чтобы понять: тебе было очень плохо, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Я зашёл проверить, как ты, минут десять назад. Услышал... стоны. Ты металась, плакала во сне.

Я опустила глаза, стыд опалил щёки. Было невыносимо осознавать, что кто-то видел меня такой — слабой, беспомощной, кричащей от ужасов, которые даже наяву не всегда удаётся сдержать.

— Прости, — прошептала я, сжимая стакан так, что пальцы побелели. — Не стоило тебе это видеть.

Зейд мягко, но настойчиво забрал у меня стакан, поставил на тумбочку и взял мои руки в свои. Его ладони были тёплыми, надёжными.

— Не извиняйся, — сказал он твёрдо, но без резкости. — Ты не должна стыдиться того, что с тобой происходит. Кошмары — это не слабость. Это следы того, через что ты прошла. И то, что ты проснулась, — уже победа.

Его слова упали куда-то глубоко внутрь, где ещё пульсировала боль. Впервые за долгое время кто-то не пытался обесценить мои переживания, не требовал «взять себя в руки», а просто был рядом — без осуждения, без требований.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь. Взгляд невольно скользнул к окну — за стеклом угасал день, небо окрашивалось в мягкие сиреневые тона. Мир за пределами палаты жил своей жизнью, а здесь, в этой комнате, я впервые за долгое время почувствовала, что не одна.

— Спасибо, — сказала я тихо, почти неслышно. — За то, что ты здесь. За то, что не ушёл.

Зейд слегка улыбнулся — не той дежурной улыбкой, которую люди надевают, чтобы успокоить, а искренней, тёплой. Он слегка сжал мои руки и отпустил.

— Я никуда не уйду, пока ты в этом нуждаешься, — произнёс он. — Отдыхай. А я посижу рядом. Просто на случай, если снова станет страшно.

Я откинулась на подушку, закрыла глаза. Дыхание постепенно выравнивалось. Где-то на краю сознания ещё шевелились обрывки кошмара, но теперь они отступали — под натиском тепла, заботы и тихого присутствия человека, который оказался рядом в самый нужный момент.

Дверь резко отворилась, и в проёме оказался Брэк.

Его фигура заполнила весь проход — высокая, широкая, с привычно надменным выражением лица. Он замер на мгновение, окинув взглядом комнату: меня, всё ещё бледную и

дрожащую, с влажными от слёз щеками; Зейда, сидящего рядом со мной у кровати; стакан воды в его руке; влажную тряпку на тумбочке. Взгляд Брэка скользнул по этой картине, и я буквально почувствовала, как в воздухе сгущается напряжение — густое, тяжёлое, почти осязаемое.

Он злобно ухмыльнулся, быстрым шагом прошёл по палате и пригвоздил меня взглядом к стене. — Ах, вот так, маленькая потаскушка? — его голос сочился ядом, каждое слово било, как плеть. — Вот как ты проводишь время в больнице? А как же предписание полного покоя? Или твоя дочь пропала, а ты тут с мужиком шашни крутишь?

«Твоя дочь пропала».

Эти слова ударили, будто ножом в грудь. Они не сразу проникли в сознание — сначала я подумала, что ослышалась. Может, это эхо кошмара, остатки ночного ужаса, обман слуха?

«Твоя дочь пропала».

Снова. Теперь отчётливо. И его взгляд — не просто злобный, а хитрый, торжествующий, будто он ждал этого момента годами. В нём читалось что-то ещё: удовлетворение от нанесённой раны, наслаждение моей болью.

Мия. Моя Мия.

Мир вокруг вдруг потерял чёткость. Стены поплыли, свет лампы над головой замигал, словно собирался погаснуть. В груди образовалась ледяная пустота — такая огромная, что, казалось, она вотвот поглотит меня целиком.

Нет. Не может быть.

Это ошибка. Опечатка. Ложь. Очередная жестокая шутка. Но его глаза не лгали. В них не было ни тени сомнения — только холодная, расчётливая правда.

Я попыталась вдохнуть, но воздух застрял в горле. Руки похолодели, пальцы судорожно вцепились в одеяло. Мысли метались, как загнанные звери: «Где она? Когда пропала? Почему я не знаю? Почему мне никто не сказал?»

Зейд вскочил на ноги, сделал шаг вперёд, будто пытаюсь заслонить меня от этих слов, от самого Брэка. Но я его не видела. Всё вокруг исчезло — осталась только эта фраза, вбитая в сознание, как гвоздь: «Твоя дочь пропала».

Не в состоянии вымолвить и слова, я почувствовала, как внутри что-то рвётся — глубоко, на уровне инстинкта, где нет места разуму. Из гортани вырвался вопль — не крик, а первобытный, животный звук отчаяния. Он прокатился по палате, отражаясь от стен, наполняя пространство чистой, незамутнённой болью.

Слезы хлынули потоком, обжигая щёки. Я схватилась за грудь, будто это могло удержать сердце, готовое вырваться из груди. Перед глазами мелькнули образы: Мия смеётся, Мия тянет ко мне ручки, Мия шепчет «мама» и обнимает меня своими маленькими тёплыми руками...

— Нет! — наконец вырвалось у меня хрипло, надломленно. — Нет, это неправда! Ты лжёшь! Скажи, что ты лжёшь!

Голос сорвался на всхлип. Я покачнулась, но Зейд успел

подхватить меня под локоть. Его прикосновение было тёплым, реальным — единственным, что ещё связывало меня с этим миром.

— Анна, — тихо произнёс он, — давай разберёмся. Спокойно. Мы найдём её. Мы обязательно её найдём.

Но я едва слышала его. Всё, что я могла — повторять про себя, снова и снова, как молитву: «Мия Мия... Где ты?»

В этот момент мир раскололся надвое: до и после этих слов. И я знала, что уже никогда не стану прежней.

Я не помню, как я встала с кровати — будто тело действовало само, повинуюсь какомуто первобытному инстинкту. В ушах шумело, перед глазами плыли тёмные пятна, но я была на ногах. Зейд пытался меня удержать, его руки мягко, но настойчиво обхватили за плечи — но это уже не имело значения.

«Нет, это не может так идти!» — мысль вспыхнула огненной искрой, и я рванулась из рук Зейда с неожиданной, отчаянной силой. В тот миг во мне не осталось ни слабости, ни страха — только всепоглощающая, обжигающая ярость.

Я набросилась на Брэка, вцепившись в его рубашку, тряся его с такой силой, что сама удивлялась себе:

— Где моя дочь?! Ты гнида, сволочь! Куда ты дел мою дочь?! Пока она была с моим отцом, всё было хорошо! Где моя дочь?!

Голос срывался на крик, слова вырывались хрипло, надрывно, будто из самой глубины разорванной души.

И тут — пощёчина.

Моя щека взорвалась болью — резкой, жгучей, словно раскалённый металл коснулся кожи. Волна жара прокатилась по лицу, отдаваясь пульсацией в висках. Но вместо того, чтобы сломить меня, этот удар только поджёт внутри что-то дикое, неукротимое. Гнев вспыхнул с новой силой, заполнив каждую клетку тела.

Я замахнулась в ответ, уже готовая ударить — но в этот миг между нами встал Зейд. Его рука резко метнулась вперёд, и он ударил Брэка — сильно, точно, в челюсть. Звук удара эхом отозвался в тишине палаты.

Между ними завязалась бы драка — я видела, как Брэк сжал кулаки, как его лицо исказилось от ярости, — но в тот же миг в палате появились доктор Темпелман и двое охранников. Их появление словно разорвало клубок напряжения, остановило мгновение перед взрывом.

— Достаточно! — голос доктора прозвучал твёрдо, властно. — Немедленно прекратите!

Но я уже не хотела видеть эту сцену. Не могла. Всё внутри кричало: «Найди её! Найди Мию!»

Я вырвалась из чьихто рук — не разбирая, чьи они, — и побежала. Куда глаза глядят. Коридор поплыл перед глазами, стены покачивались, будто я шла по палубе корабля в шторм.

Теперь я понимала, что схожу с ума. Разум растворялся в панике, уступая место животному ужасу. Я дёргала ручки

каждой палаты, распахивала двери, не разбирая, куда бегу: — Мия! МияМария! Мия, девочка, выходи! Мия, где ты?!

Я не чувствовала пола под ногами — казалось, я лечу, несусь по какомуто бесконечному лабиринту, где нет выхода. От моих криков вздрагивали пациенты, кто-то испуганно отходил в сторону, кто-то шептал что-то вслед. Но я не замечала их.

Я билась об каждую дверь, толкала, дёргала, заглядывала внутрь — пустые койки, незнакомые лица, тишина. Нигде её не было. Нигде.

Паника разрасталась, заполняя меня целиком. В груди что-то рвалось, горло сжималось, а перед глазами стояла только одна картина: Мия, её глаза — один голубой, другой зелёный, — её улыбка, её голос...

«Где ты, моя девочка? Где?!»

Я выбежала в холл, потом на лестничную клетку, спустилась на первый этаж — всё так же, не разбирая дороги. Ноги подкашивались, дыхание сбилось, но я продолжала звать:

— Мия! Мия! Ответь маме!

Наконец силы оставили меня. Я рухнула на пол, прислонившись к стене. Мир вокруг закружился, голоса, шаги, свет — всё слилось в один неразборчивый гул.

И тогда мой слух пронзил мой собственный крик — отчаянный, надрывный, полный такой боли, что он, казалось, разорвал меня изнутри. Он вырвался из груди, как последний вздох, как мольба, как проклятие.

Я обхватила себя руками, сжалась в комок, уткнулась лицом в колени. Слезы текли по щекам, смешиваясь с болью от пощёчины, с ужасом от мысли, что я могу никогда больше не увидеть свою дочь.

«Мия... — мысленно повторяла я снова и снова. — Где ты? Пожалуйста, вернись. Пожалуйста...»

Тишина вокруг не отвечала. Только эхо моего крика ещё долго звучало где-то внутри — как напоминание о том, что мир может рухнуть в одно мгновение. И теперь всё, что мне оставалось, — искать. Искать, пока не найду. Пока не увижу её снова.

Дальше — пустота. Абсолютная, бездонная, словно меня выдернули из реальности и швырнули в чёрную бездну, где нет ни времени, ни ощущений. Я ничего не помню. Ни как оказалась здесь, ни сколько часов или минут прошло с того момента, когда мир раскололся на «до» и «после».

Единственное, что я увидела, открыв глаза, — потолок. Знакомый, с едва заметной трещиной у карниза, — потолок нашей с Брэком спальни.

Поймав судорожный глоток воздуха, я резко привстала, будто вынырнула из воды, и ошалело огляделась, пытаюсь удостовериться в том, что вижу. Да, это наша комната. Обои с выцветшим узором, тяжёлая штора, слегка колышущаяся от сквозняка, фотография в рамке на комодe — всё на своих местах. Я дома.

Но дом больше не казался убежищем. Он превратился в

клетку.

Пытаясь восстановить в сознании обрывки произошедшего, я встала и начала нервно расхаживать по комнате. Шаги получались неровными, спотыкающимися — ноги не слушались, будто принадлежали комуто другому. В висках стучало, в груди нарастала тяжесть, будто кто-то положил туда свинцовый груз.

И вдруг — вспышка.

В голове током, болезненно, до спазма в горле, пронеслись слова: «Твоя дочь пропала».

Они ударили, как электрический разряд, пробуждая что-то первобытное, неукротимое. Тело, опередив разум, рванулось к двери — стремительно, отчаянно, будто от этого рывка зависела сама жизнь.

Я схватилась за ручку, дёрнула — бесполезно. Дверь оказалась заперта. Заперта снаружи.

Паника накрыла с головой, затопила сознание, лишила последних остатков самоконтроля. Я начала бить в дверь со всей силы, что ещё оставалась во мне. Кулаки стучали по твёрдому дереву — раз, другой, третий. Я пыталась выбить эту огромную, неприступную преграду, преграждавшую мне путь к моей дочери.

Удары сыпались один за другим — я не считала, не задумывалась, не чувствовала. Только глухой стук и эхо в пустой комнате.

Сколько времени я простояла в этих муках у двери, я не

помню. Минуты? Часы? Время потеряло смысл. Оно растянулось в бесконечность, заполненную страхом, отчаянием и неумолимой потребностью быть рядом с Мией.

Костяшки моих рук были в крови — ссадины, разбитая кожа, капли, падающие на пол. Но я не чувствовала боли. Совсем. Боль физическая была ничто по сравнению с той, что разрывала душу на части. Она просто не имела права отвлекать меня сейчас.

Я снова и снова била в дверь, пока силы не начали покидать меня. Дыхание сбилось, в горле пересохло, руки дрожали. Но даже тогда я не остановилась — лишь прижалась лбом к холодной поверхности, тяжело дыша, и прошептала, почти беззвучно:

— Мия... Где ты?

Тишина ответила мне молчанием. И в этом молчании было что-то окончательное, безжалостное. Будто весь мир сговорился против меня, лишив последней надежды. Но я знала: я не сдамся. Не сейчас. Не пока она где-то там — одна, испуганная, нуждающаяся в своей маме.

Я бросилась к своей прикроватной тумбе — словно одержимая, почти на четвереньках, не разбирая дороги, волоча за собой обрывки мыслей, путающихся в голове. Там, в глубине ящика, должны были лежать запасные ключи от двери — спасительные, драгоценные, способные вырвать меня из этой ловушки.

«Боже, как же я раньше не додумалась?! — мысль удари-

ла, как хлыст. — Сколько драгоценного времени я потеряла изза собственной слепоты, изза паники, лишившей меня рассудка!»

Дрожащими руками я рванула на себя ящик — с такой силой, что он едва не вылетел из направляющих. И замерла, оцепенев от ужаса.

Вместо ключей — использованные шприцы, тускло поблескивающие стеклом; резиновый жгут, скрученный в тугое кольцо; какаято ампула с остатками мутной жидкости на дне. Предметы, чуждые этому месту, зловещие, будто принесённые из другого, тёмного мира.

«Безумие... Где же эти ключи?! И что эти шприцы тут делают?!» — мысли метались, как загнанные звери, а паника разрасталась, заполняя каждую клетку тела.

Гнев вспыхнул во мне с новой силой — не просто злость, а слепая, всепоглощающая ярость, сметающая остатки самоконтроля. Я схватила всё, что лежало в ящике, и с яростным криком швырнула на пол. Шприцы разлетелись по комнате, звякнув о паркет, жгут скользнул под кровать, ампула треснула, оставив на полу тёмное пятно.

Не останавливаясь, я опрокинула тумбу — с грохотом, с треском, с какимто первобытным удовлетворением от разрушения. Она рухнула набок, обнажив пустые полки, будто насмехаясь надо мной.

Затем бросилась к кровати — вцепилась в одеяло, рванула его вниз, сбросила на пол подушки, взбитые, мягкие, теперь

бессильно распластавшиеся на полу. Каждая вещь, летящая прочь, была криком отчаяния, мольбой о помощи, вызовом этому миру, который словно сговорился против меня.

Я замерла посреди этого хаоса — среди разбросанных вещей, осколков, обломков привычного мира. Руки дрожали, дыхание вырывалось рваными толчками, а в груди разрасталась ледяная пустота.

«Где ключи? Где они?!» — мысленно повторяла я снова и снова, оглядывая разгромленную комнату. Но ответа не было. Только тишина, тяжёлая и глухая, да собственное учащённое сердцебиение, отдающееся в висках.

Взгляд упал на дверь — массивную, неприступную, запертую снаружи. Она попрежнему стояла между мной и моей дочерью. И теперь я понимала: чтобы добраться до Мии, мне придётся найти другой путь. Путь, который не зависит от ключей. Путь, который я должна проложить сама — сквозь страх, боль и безумие этого дня.

Но вдруг — чудо.

Я слышу щелчок. Тихий, но отчётливый, как удар сердца в абсолютной тишине. Потом второй — чуть более резкий, будто кто-то переламывает сухую ветку. Ручка дрогает, её осторожно, неторопливо тянут снаружи.

«Это Брэк», — мысль пронзает меня, как молния. Кровь стынет в жилах, дыхание перехватывает. Паника ледяными пальцами сжимает горло, но тело действует само, повинувшись инстинкту самосохранения.

В страхе я забираюсь на кровать — неуклюже, почти кувыркаясь, цепляясь за покрывало. Подтягиваю колени к груди, обхватываю их дрожащими руками, прижимаюсь лбом, утыкаюсь в них грудью, словно пытаюсь исчезнуть, стать маленькой, незаметной, спрятаться от того, что сейчас произойдёт.

Дверь медленно открывается. Скрип петель звучит как приговор — протяжный, мучительный, будто сама реальность сопротивляется тому, что должно случиться.

И он там.

Брэк стоит в проёме — высокий, массивный, заполняющий собой весь проход. Его силуэт кажется чёрным на фоне коридора, а лицо освещено слабым светом изза спины — так, что черты размываются, искажаются, превращая его в нечто зловещее, нечеловеческое.

На губах — ухмылка. Не просто усмешка, а что-то гораздо более страшное: холодная, расчётливая, пропитанная скрытой угрозой. В ней нет веселья — только торжество, предвкушение, знание того, что он держит ситуацию под контролем.

Я застываю, затаив дыхание. Каждая мышца напряжена до предела, пальцы впиваются в колени, но я не смею пошевелиться. Взгляд прикован к нему, к его глазам — тёмным, непроницаемым, в которых невозможно прочесть ни мысли, ни намерения.

«Что у него на уме?» — вопрос пульсирует в висках, бьёт-

ся в такт с сердцем. Я не могу предугадать. Ни единого шага. Ни единого слова. Он непредсказуем, как шторм, как обвал, как удар из-за угла.

Время словно замедляется. Секунды растягиваются в вечность. Я чувствую, как пот стекает по спине, как волосы прилипают ко лбу, как в груди нарастает ком из страха, отчаяния и бессильной ярости.

Он делает шаг вперёд. Пол скрипит под его ногой — звук отдаётся во мне, как удар молота. Ещё один шаг. Он не спешит. Наслаждается моим ужасом, питается им.

— Ну что, Анна, — его голос звучит тихо, почти ласково, но от этого становится ещё страшнее. — Думаешь, сможешь от меня спрятаться? Думаешь, эти стены тебя защитят?

Каждое слово — как нож. Тонкий, острый, вонзающийся в самое уязвимое место. Я сжимаюсь ещё сильнее, втягиваю голову в плечи, будто это может меня спасти.

«Где Мия? — мысленно кричу я, но губы не шевелятся. — Что ты с ней сделал? Почему ты такой? Почему ты делаешь это со мной?»

Но он не ответит. Не сейчас. Он наслаждается моментом, смакует его, как дорогое вино. И я понимаю: этот разговор — не о ключах, не о запертой двери. Это демонстрация силы. Напоминание о том, кто здесь главный. И пока я не найду способ вырваться, пока не соберу остатки воли в кулак, он будет продолжать — шаг за шагом, слово за словом, взгляд за взглядом — лишать меня свободы, достоинства, надежды.

А я должна выжить. Должна найти Мию. И ради этого мне придётся научиться смотреть ему в глаза — даже когда от этого взгляда кровь стынет в жилах.

Брэк медленно подходит к кровати — неторопливо, вкрадчиво, словно хищник, играющий с загнанной добычей. Его шаги глухие, размеренные, каждый из них отдаётся у меня в висках, как отзвук приближающейся беды.

— Малышка, ну что ты... — его голос звучит приторно-мягко, будто мёд, смешанный с ядом. — Почему ты прячешься? Не бойся меня. Всё будет хорошо. Ты, наверное, за дочку переживаешь? Мы найдём её. Я поднял связи, она найдётся.

Его слова сочились фальшью — густой, липкой, тошнотворной. Каждое из них оседало на коже, как слой грязи, от которого невозможно отмыться. «Гад, — пульсировало в голове. — Как мне противно смотреть на него, слушать этот медоточивый тон, притворяющийся заботой!»

Я намеренно не поднимала головы, вжалась в угол кровати, обхватив колени ещё крепче. Хотелось исчезнуть, раствориться, стать невидимкой — лишь бы не чувствовать на себе его взгляда, не слышать этого голоса, в котором не было ни капли искренности.

Он приблизился вплотную и присел на край кровати. Матрас прогнулся под его весом, и это движение показалось мне угрожающим — будто сама опора подо мной начала рушиться.

Его руки — грубые, жёсткие, с выступающими венами — коснулись моей головы. Он начал гладить меня по волосам, но в этом жесте не было тепла, только холодный расчёт и лицемерная имитация заботы. Пальцы скользили по прядям, и каждый их контакт вызывал во мне волну отвращения, поднимающуюся откуда-то из глубины желудка.

— Ну же, Анна, — шептал он, — посмотри на меня. Давай поговорим спокойно. Я хочу помочь.

«Помочь? — мысленно кричала я. — Ты хочешь не помочь, а подчинить. Заставить поверить, что ты — мой спаситель, хотя именно ты стоишь за всем этим кошмаром!»

Он попытался приподнять мою голову за подбородок, но я резко отпрянула назад, едва не потеряв равновесие. От его прикосновения кожу обожгло, будто он облил меня ледяной водой.

— Не трогай меня, — голос прозвучал хрипло, надломленно, но твёрдо. — Не смей меня трогать. Твои «заботы» пахнут ложью. Я не верю ни единому твоему слову.

Он замер на мгновение, и я уловила, как в его глазах мелькнуло что-то тёмное — не удивление, а скорее раздражение, быстро скрытое под маской сочувствия. Улыбка на его лице чуть дрогнула, но он тут же вернул её на место — идеальную, выверенную, фальшивую до последней черты.

— Анна, ты слишком напряжена, — произнёс он всё тем же приторным тоном. — Тебе нужно успокоиться. Я здесь, чтобы поддержать тебя.

Но я больше не слушала. Внутри всё сжималось от отвращения — не только к нему, но и к этой игре, к его попыткам выглядеть заботливым, к этой фальшивой нежности, которая была хуже открытой жестокости.

Я отползла ещё дальше, вжалась

— Милая, родная, моя желанная... — с этими словами он приближался ко мне, растягивая каждое слово, словно смакуя его.

«Моя желанная...» От этого слова нельзя ждать ничего хорошего. Оно звучало как насмешка, как ядовитая шутка, пропитанная скрытой угрозой. В нём не было ни любви, ни нежности — только холодный расчёт и предвкушение власти.

Его пальцы проникли в мои волосы, впились в кожу головы, с силой потянули назад. Я вскрикнула от неожиданности — резкий, короткий звук боли, — но тут же умолкла, зажав рот рукой. Я терпела, не желая произносить ни слова, не желая давать ему даже малейшую возможность почувствовать своё превосходство.

Он приблизился к моему уху, его дыхание обожгло кожу, а голос, низкий и угрожающий, прорычал: — А теперь слушай меня внимательно. Если хочешь, чтобы я нашёл нашу дочь, ты будешь, как паинька, делать всё, что я говорю. Поняла?

Каждое слово ударяло, как удар хлыста. Внутри всё вскипело от ярости, от унижения, от осознания, что он пытается использовать самое дорогое — мою дочь — как рычаг дав-

ления.

Я попыталась вырваться, рванулась в сторону, но его хватка была железной. — Ни за что в жизни я не сделаю ни одного твоего повеления! — выкрикнула я, задыхаясь от гнева и боли. — Ты больше не будешь мной манипулировать! Я не...

Не успела я договорить, как мою щёку пронзила адская, горячая боль. Пощёчина. Резкая, хлесткая, полная ненависти. Он сжал руку в моих волосах ещё сильнее — боль стала невыносимой, будто он сдирал кожу с головы, вырывал пряди с корнем.

— Делай со мной что угодно, — закричала я ему в лицо, и в этом крике смешались отчаяние, ярость и непокорность, — но я больше не буду твоей марионеткой! Никогда!

Гнев окончательно обуздал его. Глаза потемнели, лицо исказилось от ярости. Он схватил меня за плечи и с силой ударил головой об изголовье кровати. Боль пронзила череп, отдалась в висках, перед глазами замелькали чёрные точки. Ещё удар. И ещё.

Мир сузился до этой боли — острой, пульсирующей, заполняющей каждую клетку тела. Но даже сквозь неё я чувствовала, как во мне что-то крепнет. Не страх — сопротивление. Не покорность — бунт.

— Ты думаешь, что можешь сломать меня? — выдохнула я, с трудом разлепив губы. Голос дрожал, но в нём звучала сталь. — Думаешь, боль заставит меня подчиниться? Нет. Даже если ты убьёшь меня здесь и сейчас, я не стану твоей

куклой. Мия я найду её сама. Без тебя.

Он замер, тяжело дыша, всё ещё сжимая мои плечи. В его взгляде мелькнуло что-то новое — не просто злость, а удивление, может, даже доля страха перед этой вспышкой непокорности.

Тишина повисла в комнате — тяжёлая, звенящая, пропитанная болью и вызовом. Я смотрела ему в глаза, не отводя взгляда. В этот момент я поняла: даже если он сильнее физически, даже если держит меня сейчас, душа моя ему не принадлежит. И пока я дышу, я буду бороться — за себя, за Мию, за право быть не пешкой в его игре, а человеком, который сам выбирает свой путь.

Но, видимо, я ошибалась в своих предположениях. Глаза Брэка заблестели, как огонь в глубине пещеры — холодный, голодный, беспощадный. Он стал улыбаться, как хищник, почуявший слабость жертвы. Мне стало не по себе от его реакции — по спине пробежал ледяной озноб, а в груди сжался комок ужаса.

— О-о, малышка, оказывается, ты кое-чему научилась, — его голос звучал хрипло, возбуждённо. — Я люблю смелых... А нука, иди ко мне.

Он с каким-то болезненным воодушевлением стал поправлять постель, разглаживая складки покрывала, будто готовил алтарь для жертвоприношения. Меня бросило в жар, потом в холод, потом снова в жар — тело била крупная дрожь.

«Только не это. Нет, не сейчас, не так. Только не сейчас»,

— мысленно кричала я, но слова застревали в горле.

Он схватил меня за лодыжку и рывком потянул к себе. Я стала сопротивляться изо всех сил — дёргалась, извивалась, пыталась оттолкнуть его, но в его железной хватке было столько грубой, животной мощи, что мои жалкие попытки вырваться не шли ни в какое сравнение.

— Брэк! Брэк, прошу... — мой голос дрожал, срывался. — Мне нужно найти Мию! Пожалуйста, остановись! Брэк... Брэк...

С моих губ сорвался крик — отчаянный, надрывный, полный мольбы и боли. Но он будто не слышал. Или не хотел слышать.

Его губы, влажные и противные, коснулись моей шеи. От их прикосновения меня передернуло — будто по коже провели чемто липким и мерзким. Он сжимал в своих грубых ладонях мою грудь, впиваясь пальцами, как клешнями. Коленом он настойчиво раздвигал мои ноги, а одной рукой безжалостно держал мои запястья — так крепко, что, казалось, вотвот сломает кости.

Я задыхалась от ужаса и отвращения. Мир сузился до этих прикосновений — грубых, бесцеремонных, лишенных всякой нежности. Он начал сдирать с меня нижнее бельё, его пальцы скользили по коже, вызывая волну тошноты. Он пытался ласкать меня между ног, но это было не лаской — это было вторжением, болезненным и унижительным. Он давил пальцами на промежность, и от каждого прикосновения ме-

ня пронзала острая боль.

— Брэк, прошу, перестань! — хрипела я. — Мия... надо искать Мию...

— Малышка, сейчас мне, чёрт возьми, не сдалась Мия, — прошипел он мне на ухо, обжигая дыханием. — Я хочу тебя. Сейчас.

Звук расстегиваемой молнии прозвучал как приговор. Он сдвинул штаны, прижался к моему лобку с такой силой, что я вскрикнула от боли. Я всё ещё умоляла его остановиться, но понимала — это бессмысленно. Его разум отключился, уступив место первобытному инстинкту.

Он сдвинул трусы, придерживая себя, и вошёл в меня — настолько грубо, насколько это было возможно. Каждое движение было ударом, каждый толчок — новой порцией боли и унижения.

— Брэк! — кричала я, пока голос не надорвался.

Крик сменился хрипом, хрип — тихими всхлипами. Силы покинули меня. Оставалось только лежать, зажмурившись, и плакать — беззвучно, судорожно, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Я чувствовала его плоть во мне — и меня охватывала волна тошноты, такая сильная, что казалось, меня вотвот вырвет. Внутри всё сжималось от отвращения, от осознания того, что самое интимное превратилось в инструмент насилия, в оружие против меня же.

Время остановилось. Минуты тянулись, как часы, часы —

как вечность. В голове билась одна мысль: «Это не со мной. Это не может быть со мной». Но реальность была жестока — она напоминала о себе каждым движением, каждым звуком, каждым вздохом Брэка.

Когда всё закончилось, он отстранился, тяжело дыша. А я осталась лежать — опустошённая, разбитая, словно из меня выкачали всю жизнь. Слезы текли по щекам, капали на подушку. Гдето глубоко внутри тлела единственная искра — та, что шептала: «Ты выжила. Ты выдержишь. Ты найдёшь Мию».